

никакихъ основаній и никакого права выступать изъ своихъ частныхъ предѣловъ и претендовать на нарушение исторически-сложившагося среди насъ языковаго единства и прямаго, общаго потока, или, если можно такъ сказать, фарватера нашего обученія, на всѣхъ его инстанціяхъ, не исключая даже обученія въ предѣлахъ элементарныхъ.

Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.).

Вопросъ объ Острожской школѣ издавна уже занимаетъ вниманіе любителей и изслѣдователей западно-русской старины. Тѣмъ не менѣе и по сію пору вопросъ этотъ, благодаря недостатку и неточности аргументовъ, не на столько еще обслѣдованъ въ нашей церковно-исторической литературѣ, чтобы не признать его вопросомъ открытымъ. Изслѣдователи по этому вопросу расходятся еще въ своихъ взглядахъ и при опредѣленіи года основанія школы, и имени ея основателя,—сходясь лишь въ томъ общемъ пунктѣ своихъ изслѣдованій, что-де Острожская школа, по своему устройству и научной постановкѣ, была первымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ на Руси.—Такъ именно. Извѣстный, ученый изслѣдователь Острожской старины, М. А. Максимовичъ полагаетъ, что Острожское училище основано въ 70-хъ годахъ XVI в. (слѣд. Константиномъ Константиновичемъ) и было первою на Руси греко-славянскою школой, для преподаванія «вызволенныхъ или вольныхъ наукъ», по примѣру училищъ латино-западныхъ (1). Высокопр. м. Макарій полагаетъ, что Острожская школа основана Константиномъ Константиновичемъ, около 1580 года, и была школой—изъ непервоначальныхъ (2). Профессоръ Кіевской Д. Академіи Н. И. Петровъ, основываясь на Тератургимѣ

(1) Собр. соч. М. А. Максимовича т. I стр. 179.

(2) Церк. истор. Пр. Макарія т. IX стр. 411.

монаха Кальнофойскаго, полагаетъ, что Острожская школа основана не Константиномъ Константиновичемъ, а Константиномъ Ивановичемъ, слѣдовательно ранѣе 1533 года, — года смерти послѣдняго, — и именно — въ годъ вступленія его въ гетманскую должность, 1498 г. Константинъ же Константиновичъ преобразовалъ эту школу въ высшую въ 1569 г. или немного позже, и побужденіемъ къ тому послужило официальное соединеніе Волыни съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ (1). Авторъ статьи: «Князь Василій Острожскій», помѣщенной въ Прав. Собесѣдн, полагаетъ, что Острожская школа основана около 1580 года, — что это была высшая, по курсу преподаванія, школа и называлась академіей (2). Г. Еленевскій положительно утверждаетъ, что Конст-ъ Кон-вичъ основалъ въ 1580 г. первое высшее православное знаменитое училище или академію (3). О. Стефанъ Барановскій приписываетъ основаніе Острожской школы такъ же Кон-ну Кон-чу и приурочиваетъ оное «приблизительно къ 1570 году», добавляя при этомъ, — что Острожская академія, видно, основана была на строгихъ началахъ и всякій разъ готовила ревнителей, подобныхъ свѣтлымъ личностямъ, вышедшимъ изъ нея, каковы: Іовъ Борецкій (?), Леонтій Карповичъ и др., если чрезъ десять лѣтъ ея существованія на нее нарекаетъ Поссевинъ, говоря, что здѣсь питается русскій расколъ» (4). О. В. Четыркинъ въ одномъ мѣстѣ полагаетъ, что «Острожская школа обязана своимъ заведеніемъ Константину Ивановичу, и при сынѣ его, Кон-нѣ Кон-чѣ, знаменитомъ защитникѣ православной вѣры въ юго-западной Руси въ XVI в. особенно процвѣтала» (5), въ другомъ, — что «виновникомъ заведенія въ 1580 году православнаго училища въ

(1) Тр. Кіевск. дух. Ак. 1867 г. Февраль стр. 181.

(2) Прав. Собес. 1858 г. кн. II.

(3) Вѣстн. Зап. Росс. 1869 г. кн. 7 отд. II стр. 8.

(4) Волын. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 2 стр. 61.

(5) Тамъ же 1878 г. № 21 стр. 828.

Острогѣ, которое скоро получило названіе академіи, былъ Кон нъ Конс-вичъ (1). Г. Цероговскій, — что Острожская школа основана Константиномъ Константиновичемъ, а не отцемъ его (2). — Вотъ взгляды на время основанія Острожской школы, на личность основателя ея и на научную постановку оной, существующія въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Разнорѣчивость и несогласность этихъ взглядовъ изслѣдователей Острожской старины относительно столь важнаго предмета, какъ Острожская школа, позволяетъ по этому, во 1-хъ, подвергнуть сравнительной оцѣнкѣ ихъ разнорѣчивыя показанія, при разсмотрѣніи и руководствѣ тѣхъ данныхъ по этому вопросу, которыя имѣются у насъ и которыя послужили основаніемъ для разнорѣчивости приведенныхъ выше показаній и, во 2-хъ, сдѣлать попытку новыхъ соображеній въ этой области, — какъ сильный дальнѣйшій шагъ въ общемъ стремленіи любителей западно-русской исторіи освѣтить прошедшее западной Руси, богатое событіями, дѣятелями и разными учрежденіями.

Первое свидѣтельство о существованіи въ XVI в. въ Острогѣ школы относится къ 1581 году и принадлежитъ извѣстному іезуиту, Антонію Поссевицу: «нѣкоторые князья», говоритъ Поссевинъ; «какъ Острожскій и Слуцкій, имѣютъ свои типографіи и школы, въ которыхъ питается схизма» (3).

Приведенное свидѣтельство, — какъ очевидно, — кромѣ того, что говоритъ уже о существованіи въ 1581 г. Острожской школы, умалчиваетъ объ основателѣ ея, равно не даетъ достаточнаго права утверждать, что это было высшее училище. Если Поссевинъ дѣлаетъ замѣтку, что въ Острожской школѣ «питалась схизма», то подобное выраженіе могло быть приложимо и по отношенію къ каж-

(1) Тамъ же стр. 820.

(2) Тамъ же 1879 г. № 18.

(3) Supplem. ad Hist. Russ. Mon. p. 38.

дому изъ низшихъ православныхъ училищъ, какія, по свидѣтельству современника, ковенскаго пастора, Одербона (1), всегда были при церквахъ, и могли быть, конечно, въ Острогѣ и Слуцкѣ. Программа этихъ училищъ, — низшихъ, — о которыхъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи Одербонъ, — состоящая въ преподаваніи учащимся молитвъ, псалмовъ Давида, символа вѣры и пр., — будь она какъ слѣдуетъ выполняема, — была вполне достаточно для того, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религіозныхъ убѣжденій и традицій, и — чтобы, вслѣдствіе этого, дать поводъ и основаніе оппозиціонной партіи утверждать, что здѣсь «питается схизма». Къ тому, надежность воспитанія въ такихъ школахъ — низшихъ подтвердилась дальнѣйшимъ ходомъ обстоятельствъ. Измѣнили родной православной вѣрѣ тѣ, которые, игнорируя свои домашнія церковныя школы, пошли искать высшаго образованія за границей; не устояли отъ соблазновъ, затѣмъ, и тѣ, которые, хотя и прошли курсъ этихъ училищъ, стали неосторожно восполнять пробѣлы своего образованія новыми идеями и истинами, принесенными съ запада; однако остался стойкимъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ «народъ посполитый», которому обстоятельства доставляли возможность, — если не совершенно оставаться безъ воспитанія и образованія, — воспитываться и заканчивать свое образованіе исключительно въ низшихъ школахъ: нельзя, такимъ образомъ не признать этихъ школъ «питателями схизмы».

Второе свидѣтельство о томъ же принадлежитъ автору, извѣстнаго историко-полемическаго сочиненія (1600—1605), Перестроги. «И напервѣй, говоритъ авторъ Перестроги, Кон-нъ Кон-вичъ старался у святѣйшаго патріарха, а быся здѣ дидаскаловъ ко размноженію наукъ вѣры православной зослалъ; а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенъ ихъ на то не жалѣеть, яко южъ збудовалъ школу, испиталъ и маетно-

(1) Церк. Истор. Пр. Макарія т. IX стр. 410.

стями ихъ надарилъ... Зачинъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди ученые почали было въ церкви Божіей показоватися, учителя и строители церкви Божіей... почали множитися (1).

Приведенное свидѣтельство современника, не коснувшееся точнаго опредѣленія года основанія Острожской школы, говоритъ уже больше перваго. Во 1-хъ, здѣсь основаніе школы категорически уже приписывается Кон-ну Кон-чу: «збудовалъ» — выраженіе это, въ устахъ историко-полемиста, обозначаетъ, безъ сомнѣнія, нѣчто большее, чѣмъ простое сооруженіе зданія для школьных занятій, или же — обновленіе стараго, и, во 2-хъ, основаніе училища, именно — низшаго: терминъ «школа» — терминъ для обозначенія училищъ низшаго порядка, напр. Туровскаго, которое въ 1572 году было вручено Конномъ Кон-чемъ церковно-служителю Дмитру Митуричу (2) и, несомнѣнно, по курсу преподаванія, принадлежало къ разряду первоначальныхъ училищъ. Приложение авторомъ Перестроги, — писавшимъ въ концѣ дѣятельности кн. Острожскаго, — для Острожской школы — термина, обозначающаго собою низшую школу, отнимаетъ, такъ обр. возможность причислять ее къ разряду высшихъ. Будь это высшая школа, авторъ, нѣтъ сомнѣнія, и величалъ бы ее титуломъ, обозначающимъ собою высшее заведеніе, какъ то: «академію» или, по крайшей мѣрѣ, «школою вызволненныхъ наукъ», какъ онъ называетъ Львовскую школу, въ замѣткѣ о ея состояніи въ 1589 году (3). Въ 3-хъ наконецъ, это свидѣтельство трактуется еще больше кое о чемъ, — объ опытныхъ дидаскалахъ, людяхъ ученыхъ, способныхъ къ размноженію наукъ вѣры православною, слѣд. — здѣсь пахнетъ чѣмъ то большимъ, нежели преподаваніе въ начальной школѣ.

(1) Акт. Зап. Росс. т. IV стр. 206.

(2) Опис. Румянц. муз. стр. 127.

(3) Акт. Зап. Росс. т. IV стр. 206.

Третье свидѣтельство принадлежит Сушѣ, Холмскому униатскому епископу 1651—1655 г. Въ своемъ сочиненіи „Saulus et Paulus sive Meletius Smotriscius“ Суша говоритъ объ Острожской школѣ слѣдующее: *Jnde Ostrogiae liberali effuso aëre, non slavonicae duntaxat linguae, sed graecarum juxta atque latinarum artium, crexit (dux Ostrogiensis) palæstram, in qua rhutenam multam, quum nobilem, quam plebejam aluit juventutem“* (1).

Свидѣтельство Суши, приписывающее учрежденіе Острожской школы Кон-ну Кон-чу, даетъ уже нѣкоторое право признать оную, по курсу преподаванія, высшею школою.

Четвертое свидѣтельство принадлежит — польскому историку, Нѣсецкому, который утверждаетъ, что Кон-нъ Кон-вичъ первый завелъ (*fundował*) въ Острогѣ школу — греческую и латинскую (2).

Пятое — униатскому писателю XVIII в., Стебельскому, — подтверждающее свидѣтельство Перестроги и Нѣсецкаго о фундаторѣ школы. Три сына Константина, — говоритъ Стебельскій, — Константинъ, Янушъ и Александръ, въ малолѣтствѣ получили *ćwiczenie w naukach* въ Острожскихъ школахъ, *naupierwey tam wystawionych od oycy ich xiążęcia Konstantyna*, для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго (3).

Свидѣтельство Стебельскаго, этаго довольно безпристрастнаго и добросовѣстнаго, — какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненія, — униатскаго писателя, особенно важно тѣмъ, что даетъ возможность точнѣе опредѣлить время фундаторства школы, относя оное гораздо ранѣе 70 года XVI в., т. е. того крайняго пункта, далѣе котораго въ нашей литературѣ не отдвигается время основанія школы, если оно приписывается Кон-ну Кон-чу.

(1) Церк. истор. Пр. Макарія т. IX, прим. на стр. 412. (1)

(2) Niesecky. Korona Polska t. III f. 516. (2)

(3) Stebelsky Genealogia XX. Ostrogskich f. 111—112. (3)

И—именно, здѣсь говорится, что дѣти Острожскаго получили первоначальное воспитаніе, въ малолѣтствѣ, въ Остр. школахъ, имъ же заведенныхъ здѣсь. Но малолѣтство дѣтей князя Острожскаго падаетъ гораздо далѣе впередъ, чѣмъ на 70-е годы XVI вѣка. Въ 70-хъ годахъ,—ранѣе 1577 года,—мы видимъ уже одного изъ сыновей кн. Острожскаго, получившаго первоначальное воспитаніе въ Острожской школѣ, Януша, получающимъ высшее образованіе за границей, подъ вліяніемъ котораго онъ тогда же сдѣлался отступникомъ отъ православія (1). Въ это время Янушу было около 23—24 лѣтъ (2); слѣд. возрастъ малолѣтства, въ которой онъ получалъ воспитаніе въ Острогѣ,—полагая для зтого первыя 10 лѣтъ жизни,—должно заключить между 1554 г., годомъ рожденія Януша, и 1564 г. Такимъ образомъ Острожская школа, доставившая Янушу способы первоначальнаго воспитанія, несомнѣнно, существовала уже въ этотъ промежутокъ времени;—и, очень можетъ быть, основана княземъ Острожскимъ вслѣдъ за вступленіемъ его въ должность Кіевскаго воеводы и волынскаго маршалка, что падаетъ, кажется, на 1556 годъ.

Шестое принадлежитъ польскому Писателю, Сярчинскому. Онъ передаетъ, что Кон-цъ Кон-вичъ первый завелъ въ Острогѣ школы для «одсчепенной» Руси (3).

Седмoe—Гарасевичу, „*Princeps Constantinus Ostrogiensis*, говоритъ онъ, *fundavit circa finem sæculi XVI Akademiam Ruthenam Ostrogensem* (4).

(1) Проф. Н. И. Петровъ отступленіе Януша отъ православія приурочиваетъ, правда, къ 1602—3 г. г. (Тр. К. д. Ак. 1867 г. Февраль); но съ этимъ мнѣніемъ не дозволяетъ согласиться предисловіе Скарги къ его книгѣ „*o iednosci kosc. Boz.*“ изд. въ 1577 г. (см. Мат. для зап.-русс. истор. С. Т. Голубева стр. 147 и д.). Отступленіе Януша совершилось, несомнѣнно ранѣе года изданія Скаргою его книги.

(2) *Siarczinsky. Obraz wieku Zygmunta III. t. II. f. 42.*

(3) *Ibidem. f. 45.*

(4) *Narasewicz. Annales ecclesiæ Ruthenæ p. 145.*

Последнія два свидѣтельства, так. обр., категорически приписываютъ основаніе Острожской школы Кон-ну Кон-чу, и одно изъ нихъ причисляетъ школу къ разряду высшихъ, называя ее даже «русскою Академіей» (1).

Итакъ—какіе же выводы позволяетъ намъ сдѣлать разсмотрѣніе главнѣйшихъ свидѣтельствъ, служащихъ основаніемъ для разнорѣчивыхъ мнѣній нашихъ изслѣдователей объ Острожской школѣ, перечисленныхъ нами въ началѣ?

I. Оно позволяетъ намъ признать за несомнѣнный фактъ, что Острожская школа обязана своимъ учрежденіемъ и заведеніемъ князю Кон-ну Кон-чу, а не Кон-ну Ивановичу. Выраженія—«збудовалъ школу», „erexit palæstram“, „naupierwey wystawił szkoły“, „fundował szkoły“—все это термины, ничто другое обозначающіе собою, какъ первоначальное заведеніе школы, основаніе ея,—но не преобразование только (2).

II. Оно, затѣмъ, приводитъ насъ къ тому, весьма вѣроятному, предположенію, что время основанія Острожской школы совпадаетъ приблизительно съ временемъ вступле-

(1) Свѣденія объ Острожской школѣ находятся отчасти и у другихъ польскихъ писателей. Но такъ какъ они тождественны съ приведенными уже, то мы и дозволили себѣ игнорировать оныя при обслѣдованіи вопроса объ Острожской школѣ.

(2) Что же касается Тератургимы монаха Кальнофойскаго, на которой обоснованъ вышеприведенный взглядъ Н. И. Петрова на время основанія Острожской школы; то,—вполнѣ довѣряя нашему ученому историку, Высокопр. Макарію, дѣлающему критическую оцѣнку того мѣста Тератургимы, на которомъ основывается Проф. Петровъ и раньше основывался Ярошевичъ (Obr. Litwy III, 82),—мы позволяемъ себѣ, его словами, замѣтить, что та надпись,—въ которой сказано, что онъ (Константинъ Ивановичъ) создалъ ради отроковъ училища,—составлена только въ прошломъ столѣтіи, а въ прежней надписи, существовавшей еще въ XVII вѣкѣ, объ училищахъ вовсе не упоминалось (Церк. Истор. Пр. Макарія т. IX на стр. 299 примѣч. 309).

нія Кон-на Кон-ча въ должность кievскаго воеводы, а не съ 80-ми или 70-ми годами XVI в. А такъ какъ это вступленіе совершилось, вслѣдъ за переходомъ кievскаго воеводы Ходкевича на Краковскую каштелянію, въ 1556 году; то и основаніе школы надобно, приблизительно, приурочить или къ тому же 1556 году, или же нѣсколько позже.

III. Оно, наконецъ, даетъ право утверждать, что Острожская школа, какъ воспитательное учебное заведеніе, была ни болѣе, ни менѣе, какъ лишь школа низшаго порядка, которую князь Острожскій, какъ любитель просвѣщенія и ревнитель вѣры, желалъ, конечно, возвысить, если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ, то—среднихъ, имѣющихъ спеціальною цѣлю—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры; но отнюдь не была она школа строго-организованнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, или, какъ ее называютъ, академіей: нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣреній князя.

Что же касается названія «Острожская Академія», встрѣчающагося, въ качествѣ приписки, на одной изданной въ Острогѣ книгѣ «Календарь Римски новы», то,—отрицая приложимость подобнаго названія именно для школы, какъ не подтверждаемаго больше никакими другими данными,—мы полагаемъ, что это названіе имѣло ближайшее и непосредственное отношеніе для обозначенія того, довольно многочисленнаго, кружка всесторонне образованныхъ и ученыхъ людей, который составленъ былъ княземъ Острожскимъ, при его дворѣ,—въ помощь себѣ,—въ дѣлѣ, задуманной княземъ, защиты и поддержки православной вѣры и церкви въ тогдашнія трудныя минуты. (Помѣта этого термина: «Академія» на книгѣ научнаго характера уже отчасти подтверждаетъ выше сказанное. Но никакъ нельзя этаго кружка всесторонне-образованныхъ людей,—существовавшаго при дворѣ князя Острожскаго и представлявшаго своего рода академію наукъ, или что-то похожее на академію наукъ,—отоже-

ствлять съ высшимъ училищемъ и отъ названія, прилагаемаго тогда къ этому кружку, заключать къ существованію въ Острогѣ высшей школы, которой и приличесствовало названіе «Академія». Весьма можетъ быть, что нѣкоторые члены этаго ученаго общества и имѣли самое близкое отношеніе къ существовавшей тамъ же школѣ, —будучи воспитателями и учителями въ ней; но обязанность большинства Острожскихъ ученыхъ состояла въ трудахъ болѣе серіозныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ напр. въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать, по своимъ достоинствамъ, трактатамъ образованныхъ враговъ православія и т. п.

Къ составленію только что (подъ третьей рубрикой) высказаннаго положенія даютъ основаніе нѣкоторыя, немаловажныя кажется, данныя, заимствуемая—частію изъ разсмотрѣнныхъ уже нами свидѣтельствъ XVII и XVIII в.в., частію же—изъ другихъ источниковъ.

1. Что Острожская школа, по курсу преподаваемыхъ въ ней наукъ, принадлежала къ разряду низшихъ и составляла отдѣльное учрежденіе отъ Острожскаго ученаго кружка, который, намъ кажется, обозначался терминомъ «Академія»,—объ этомъ достаточно говоритъ свидѣтельство современника, автора Перестроги, въ которомъ разграничивается краткое замѣчаніе «о збудованьи школы» княземъ Острожскимъ отъ свѣдѣній объ острожской ученой корпораціи. Первой половиной свидѣтельства приведеннаго автора, т. е. краткому замѣчанію «о збудованьи школы», нужно придавать чрезвычайно важное значеніе. Это плодъ литературныхъ занятій историко-полемиста, ревнителя и защитника православія и его лучшихъ представителей, въ частности же и князя Острожскаго,—человѣка, правду сказать, по мѣстамъ даже увлекающагося, чтобы съ достаточной полнотой и въ наилучшемъ свѣтѣ представить интересы дорогаго ему православія,—и между тѣмъ въ свидѣтельствѣ подобныхъ пріемовъ автора—современника мы все-таки не находимъ основанія

утверждать, чтобы Острожская школа была высшая школа. Авторъ нашъ воздерживается даже обозвать Острожскую школу—школой, гдѣ преподавались «вызволенныя науки» (1), какою,—по его словамъ, заключающимся въ той же Перестрогѣ,—была напр. школа Львовская (2); не дѣлаетъ, затѣмъ, къ слову «школа»,—о которой онъ повѣствуетъ,—такой прибавки, какъ—къ типографіи, заведенной въ Острогѣ княземъ: о школѣ говоритъ только—«збудоуалъ школу»; о типографіи же—«заложилъ типографію славянскую и греческую». Если бы Острожская школа, дѣйствительно, представляла нѣчто большее, чѣмъ школу, чѣмъ низшее училище, то, несомнѣнно, авторъ Перестроги,—въ интересахъ котораго было, подъ вліяніемъ благочестиваго чувства, все представить, если не болѣе, то—какъ представлялось въ дѣйствительности,—не могъ обойти этаго молчаніемъ,—чтобы не поставить въ особенную заслугу своему любимцу, князю Острожскому.

Не меньшаго заслуживаетъ вниманія также и вторая половина свидѣтельства автора Перестроги, гдѣ содержатся свѣдѣнія (хотя, къ сожалѣнію, весьма не точныя)

(1) Правда, на страницахъ Перестроги мы находимъ такое замѣчаніе: «Никифоръ сказалъ Замойскому, что онъ идетъ въ Острогъ для отпрауованья наукъ вызволенныхъ» (Акт. Зап. Рос. т. IV стр. 213). Но, во 1-хъ, это было уже въ 1595 году, т. е. именно совпадаетъ съ одной изъ тѣхъ минутъ, когда у Острожскаго обнаруживалось стремленіе поднять уровень образованія своей школы; во 2-хъ, это слова грека, Никифора, который до тѣхъ поръ ни разу не былъ въ Острогѣ и потому не могъ достоверно знать, что преподавалось въ Острожской школѣ; въ 3-хъ, наконецъ, впоследствии, когда его, обвиненнаго, позвали на судъ, Никифоръ уже не показывается, что онъ преподавалъ въ Острогѣ «вызволенныя науки», но—что былъ тамъ «для науки дѣтокъ» (Ibid. стр. 216). А между тѣмъ и другимъ—разница есть.

(2) Акт. Зап. Росс. т. IV стр. 206.

летія архимандрита Кипріяна—для духовнаго наставленія, котораго патріархъ обѣщаетъ, спустя не долго, съ честію прислать къ Острожскому (1). Конечно, нельзя категорически отрицать и того, чтобы въ Острожской школѣ не учительствовали и греки. Патр. Іеремія II, въ одномъ своемъ посланіи на Русь, извѣщаетъ напр. что вмѣстѣ съ спудеемъ Θεодоромъ, подготовлявшимся на востокъ къ учительству въ Острогѣ, онъ хочетъ послать къ князю Острожскому и «ина мужа упремудрена» (2); быть можетъ этотъ, обѣщанный патріархомъ, «упремудренный мужъ» и былъ тотъ самый ученый грекъ, воспитанникъ Падуанскаго университета (3), Кирилль Лукарисъ, котораго мы, дѣйствительно, и находимъ въ 90-хъ годахъ учителемъ въ Острогѣ.

Справедливость историческихъ показаній, — касающихся разсматриваемаго нами вопроса, — автора Перестроги, — разграничивающаго въ своемъ сочиненіи повѣствованіе о школѣ и повѣствованіе объ ученомъ острожскомъ кружкѣ, какъ двухъ совершенно различныхъ предметахъ, — подтверждается свидѣтельствомъ и другаго современника, писавшаго нѣсколько позже, автора извѣстнаго полемическаго сочиненія «Палинодія». Задавшись цѣлью доказать — незаконность и неосновательность папскихъ притязаній на главенство въ Церкви, незаконность и ложность уніи и — правоту православія, авторъ Палинодіи, между прочимъ, съ достаточной подробностью останавливается на изображеніи дѣятельности и главнѣйшихъ заслугъ князя Острожскаго, какъ главнаго поборника православія въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей. Преслѣдуя эту цѣль, авторъ Палинодіи, естественно, не могъ не обратить своего вниманія, также, на то обстоятельство что князь Острожскій первый прилагалъ дѣятельное стараніе къ изведенію южно-русскаго народа изъ умственно-

(1) Мелетій Пигасть. Соч. Пр. Малышевскаго т. II стр. 74.

(2) Тамъ же стр. 100.

(3) Странникъ. 1870 г. Февраль стр. 125. — вѣдомствъ II (1)

невѣжественнаго порабощенія и — къ разоблаченію, путемъ печати, предъ всѣми той фальши и наглою лжи, взводимой на православіе врагами его, которая растравляющимъ образомъ дѣйствовала и безъ того на незавидное состояніе народа; равно также — и на тѣ средства, при помощи которыхъ князь достигалъ задуманнаго. При его дворѣ, — говоритъ авторъ Палинодіи, — находились и краснорѣчивые ораторы, подобные Демосфену, и другіе различные любомудрцы; находились и славные доктора, опытные въ греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ; находились и математики и астрологи, между которыми особенно извѣстностью пользовался Лятошъ, — математикъ, философъ и астрологъ; находилось затѣмъ много православныхъ учителей евангельскихъ и апостольскихъ и много истинныхъ богослововъ; — отъ богослововъ — Діонисія, Аеанасія, Василія, Григорія Назіанзина, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, Теофила и иныхъ многихъ, и отъ соборовъ и отъ патріарховъ восточныхъ, знающихъ богословію и вѣру правую. (1). Въ приведенныхъ словахъ обращаетъ на себя вниманіе то, что авторъ — современникъ, сообщая свѣденія о представителяхъ разныхъ отраслей науки, бывшихъ при дворѣ князя Острожскаго, разграничиваетъ представителей богословской науки на два класса — на «опытныхъ православныхъ учителей евангельскихъ и апостольскихъ» и — «истинныхъ богослововъ». Можно полагать, поэтому, что основаніемъ для подобнаго разграниченія и послужила та разнохарактерность ихъ занятій, которая выпадала на ихъ долю, и которая автору Палинодіи, какъ современнику, была небезъизвѣстна. Такъ что, если, — судя по характеру названія, — ближайшею и непосредственною задачею «опытныхъ православныхъ учителей» было обученіе — или въ школѣ, или съ церковной каѳедры; то задачею вторыхъ, т. е. «истинныхъ богослововъ»,

(1) Палинодія — въ Рус. Истор. Библ. т. IV стр. 1136—1137.

было несомненно, исправленіе и изданіе многихъ богословскихъ и церковныхъ книгъ», вышедшихъ изъ Острожской типографіи, о чемъ нѣсколько ниже и свидѣтельствуеъ авторъ Палинодіи. Въ послѣднемъ—онъ,—какъ самъ ученый и книжный человѣкъ,—видѣлъ, кажется, главнѣйшую услугу князя Острожскаго православію,—гораздо большую, чѣмъ въ заведеніи школы,—и потому отводитъ извѣстію о первомъ много мѣста, тогда какъ,—только слегка касаясь упоминанія объ учителяхъ школы,—умалчиваетъ о самомъ фактѣ заведенія и существованія школы,—или потому, какъ мы сказали, что видѣлъ въ этомъ не такъ великое дѣло, разрушившееся при томъ по смерти князя, или же потому, что,—основываясь на словахъ самаго автора Палинодіи,—не есть нынѣ мѣстце (въ краткомъ отдѣлѣ Палинодіи, повѣствующемъ объ Острожскомъ) выписать всего, что сдѣлалъ Острожскій для православія».

(Продолженіе впереди).

Лѣтопись текущихъ событій.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатанъ слѣдующій именной Высочайшій указъ государственному совѣту, данный въ Петергофѣ 13 іюля: «снисходя къ просьбѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя *Константина Николаевича*, Всемилоостивѣйше увольняемъ Его Высочество отъ должностей предсѣдателя государственнаго совѣта, предсѣдательствующаго въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и предсѣдателя особаго присутствія о воинской повинности, съ оставленіемъ въ званіяхъ генераль-адмирала и генераль-адъютанта, также въ прочихъ должностяхъ и званіяхъ».—Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству, 13 іюля, Его Императорское Высочество Великій Князь *Константинъ Николаевичъ*, согласно просьбѣ Его Высочества, Всемилоостивѣйше уволенъ отъ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, съ оставленіемъ

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Сентября № 25 1881 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.).

(Продолженіе).

2) Что Острожская школа, по своей научной постановкѣ, была—школа низшая, видно также и изъ того, что люди, интересовавшіеся образованіемъ и дорожившіе наукой, недовольствовались получаемымъ въ этой школѣ образованіемъ, но поступали въ другія,—вышнія, заграничныя. Доказательство сего можно видѣть даже на примѣрѣ одного изъ сыновей князя Острожскаго, Януша, получившаго первоначальное воспитаніе въ Острожской школѣ, который, для завершенія своего образованія, былъ отправленъ въ нѣмецкія земли (1). Тоже можно видѣть и на примѣрѣ другихъ. Такъ—Мелетій Смотрицкій, не довольствуясь образованіемъ, полученнымъ имъ въ Острожской школѣ, поступилъ въ Виленскую іезуит-

(1) Stebels. Gen. XX. Ostr. стр. 111—112.

скую—(1), возведенную съ 1578 года на степень академіи, гдѣ уже получались ученые степени бакалавровъ, магистровъ, и докторовъ свободныхъ наукъ, философіи и богословія (2), а затѣмъ—въ заграничныя школы (3).

3) Что Острожская школа была школа низшаго порядка, видно также изъ того, что она, по своей научной постановкѣ, стояла ниже школы Львовской. Объ этомъ уже достаточно говорить разность повѣствованія о той и другой школѣ одного современника, автора Перестроги. О Львовской школѣ въ Перестрогѣ говорится напр. какъ о школѣ, «гдѣ преподавались вызволенные науки», между тѣмъ какъ объ Острожской школѣ нѣтъ такой замѣтки при прямомъ повѣствованіи о ней. Есть, правда,—какъ мы видѣли,—одна замѣтка, по которой можно заключать о преподаваніи въ Острогѣ «вызволенныхъ наукъ», но она вложена въ уста грека, Никифора, только впервые доходящаго до Острога, слѣд.—человѣка, не имѣющаго достаточныхъ свѣденій о научной постановкѣ Острожской школы;—такъ что мы вправѣ и не придавать ей особеннаго значенія,—тѣмъ болѣе, имѣются на лицѣ нѣкоторыя другія данныя, подтверждающія предполагаемое, именно—что Львовская школа, по своей научной постановкѣ, была выше Острожской.

Къ числу этихъ данныхъ принадлежитъ, прежде всего, письмо самаго князя Острожскаго къ Львовскому братству, писанное въ 1592 году.—Когда сынъ Острожскаго, Александръ, женившись на дочери Сендомірскаго воеводы, Яна Костки, водворился на жительство въ городъ Ярославль,—имѣніи своего тестя,—князь пишетъ Львовскому братству, чтобы оно взяло его сына,—какъ восточника, усѣвшаго между зубами западныхъ людей

(1) Siarcz. Obr. w. Zygm. III. t. II. f. 204.

(2) Jaroszewicz. Obraz Litwy t. III. f. 91.

(3) Siarcz. Obr. w. Zygm. III. t. II. f. 204.

вѣры и науки», — подѣ свою охрану, «потому что, — пишетъ князь, — помощи и ратунку къ подтверженію вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ, скудости ради учителей, безъ нихъ же и сами голодомъ страдаемъ; но понеже у васъ больше обрѣтается, молю Васъ, да не пострадаетъ сынъ мой». (1). Такимъ образомъ, основываясь на словахъ самаго князя Острожскаго, мы видимъ, что Львовское братство въ 1592 году располагаетъ значительно большимъ запасомъ опытныхъ учителей, чѣмъ Острожская школа, находящаяся подѣ непосредственнымъ вѣденіемъ князя Острожскаго, — этаго неусыпнаго ревнителя и защитника православія. Для объясненія такого факта послѣдовательность требуетъ представленія, кажется, не иного соображенія, какъ того, что если въ Львовѣ было въ то время болѣе опытныхъ учителей, то больше было тамъ и надобности въ нихъ, вслѣдствіе большаго количества занятій, заключающихся въ выполненіи широкой программы Львовской школы; а если въ Острогѣ была «скудость учителей», вслѣдствіе чего «страдали голодомъ безъ нихъ», то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что въ Острожской школѣ до сихъ поръ состояли учителями южно-русы, подготовлявшіеся къ учительству на востокъ? И, — понятное дѣло, — такъ какъ способныхъ къ учительству южно-русовъ въ это время было чрезвычайно мало, то и учителей въ Острогѣ — едва набиралось столько, на сколько предъявляла требовательности ихъ нужда школы. И — да — не служить ли это послѣднее свидѣтельствомъ тому, что Острожская школа, какъ довольствовавшаяся такими учителями, — т. е. учителями — южноруссами исключительно, — была школой низшаго порядка, — учителями, изъ которыхъ ни одинъ не нашелся пригоднымъ для отправки его, въ качествѣ опытнаго руководителя, съ сыномъ

(1) Собр. соч. М. А. Максимовича т. I. стр. 190.

Острожскаго въ Ярославль? (1) Нельзя, конечно, изъ свидѣтельства князя Острожскаго «о гладѣ на учителей» въ Острогѣ заключать, что ихъ тамъ и вовсе не было: это никакъ не мирится съ настойчивою ревностью и заботою князя Острожскаго о своей школѣ.

Нельзя—далѣе—оставить также безъ вниманія и того обстоятельства,—показывающаго разность между Львовскою и Острожскою школами,—что въ Львовѣ, учениками тамошней школы, издается греко-славянская грамматика; до какого, значитъ, совершенства въ греческомъ и славянскомъ языкознаніи доходили ученики Львовской школы, когда взялись за выполнение и удачно,—судя по тогдашнему,—выполнили такой серьезный и необходимый трудъ, выполнение котораго давно уже было насущнѣйшею потребностью тогдашней образованности, и за неимѣніе котораго православные весьма часто терпѣли упреки и насмѣшки отъ сильныхъ и образованныхъ враговъ православія! Иезуитъ Скарга напр. въ посвященіи князю Острожскому перваго изданія своей книги „o jednosci Kościola Bożego“... прямо говоритъ, что «еще никогда не было и не будетъ ни одной академіи, ни одной коллегіи, гдѣ бы могли быть преподаваемы—богословіе, философія и др. науки—на иномъ языкѣ, чѣмъ на латинскомъ или греческомъ. Съ славянскаго же языка никто никогда не сталъ ученымъ... они не имѣютъ своихъ (славянскихъ) грамматикъ и никогда ихъ не могутъ имѣть».

(2). Нельзя, конечно, не думать, чтобы князь Острожскій, которому Скарга ставилъ въ упрекъ неимѣніе православными славянской грамматики,—лице, всегда обращавшее вниманіе на уничтоженіе недостатковъ и нуждъ право-

(1) Извѣстно, что Львовское братство, уваживъ просьбу Острожскаго, и послало въ Ярославль одного изъ своихъ учителей—изв. Лаврентія Зизанія.

(2) Матеріалы для истор. зап.-русс. ц, С. Т. Голубева, стр. 150.

славян, какъ самостоятельно замѣчаемыхъ, такъ—и съ помощію нападеній враговъ,—нельзя, говорить, не думать, чтобы это лице не было огорчено и этимъ упрекомъ коварнаго іезуита и не желало восполнить этаго важнаго недостатка. Та неусыпная и настойчивая ревность князя Острожскаго всегда поддерживать и отовсюду защищать православіе, которая побудила его начать и совершить изданіе полной славянской библии, за неимѣніе которой «гордая реформація» и «коварный папизмъ» кололи глаза православнымъ, и которая (ревность) помогла ему преодолѣть громадныя трудности, встрѣчавшіяся на пути преслѣдованія задуманной княземъ цѣли,—эта, говоримъ, ревность, безспорно, понуждала Острожскаго пополнить и этотъ недостатокъ южно-русской образованности, — т. е. изданія грамматики,—чтобы этимъ устранить поводъ для іезуитскихъ насмѣшекъ и нападеній на православіе и православныхъ; но, къ сожалѣнію, Острожскій не нашелъ въ своей школѣ людей способныхъ для этаго, и, чего не могъ достичь князь въ Острогѣ, повліялъ,—какъ членъ и защитникъ Львовскаго братства (1),—чтобы это было сдѣлано въ Львовѣ, гдѣ, видно, было болѣе способныхъ для этаго дѣла людей и болѣе научныхъ необходимыхъ средствъ.

Въ подтвержденіе—далѣе—тойже мысли, именно—что въ Львовѣ программа школьнаго образованія была шире, чѣмъ въ Острожской, или, по крайней мѣрѣ, что въ первой—учащимся доставлялось гораздо болѣе достаточное ознакомленіе съ греческимъ языкомъ и литературой, чѣмъ во второй,—можно указать также и на то, что, во 1-хъ переводятъ съ греческаго языка на русскій патріаршія посланія, которыя имѣли быть распространяемы путемъ печати въ средѣ православныхъ, воспитанники школы львовской (2), и, во 2-хъ,—въ 1600 году

(1) Лѣт. Льв. братст. Ж. М. Н. Пр. за 1849 г. подъ 1585 г.

(2) Тамъ же подъ 1604 г.

въ славной Острожской типографіи, существовавшей при Острожской школѣ, — въ той типографіи, которая была подѣ непосредственнымъ вѣденіемъ ревностнаго защитника интересовъ православія, князя Острожскаго, — не оказывается даже и греческаго шрифта, чтобы напечатать, согласно волѣ патр. Мелетія, нѣкоторыя его сочиненія, вслѣдствіе чего необходимость заставила князя одолжить оный у Львовскаго братства (1). Чѣмъ же объяснить это? Неужели нерадѣніемъ или охлажденіемъ князя къ тому святому дѣлу, за которое онъ обезсмертилъ себя въ западно-русской исторіи... Но такое объясненіе едва ли пригодно; оно никогда не найдетъ для себя сколько нибудь достаточныхъ и вѣскихъ основаній... Единственнымъ объясненіемъ, кажется, нужно признать то, что въ Острогѣ не было надобности въ греческомъ шрифтѣ; здѣсь не печатались греческія книги (2), но греческія — учеными членами Острожской корпораціи — переводились на русскій языкъ; что, слѣд., и въ здѣшней школѣ, основанной княземъ, не было надобности въ греческихъ книгахъ, — что здѣсь не учились по онымъ вовсе.

4) Нельзя, однако, отрицать того, что у князя Острожскаго было желаніе и попытки, по возможности, расширить программу преподаванія въ заведенной имъ школѣ, если не по образцу высшихъ заграничныхъ школъ, то — по крайней мѣрѣ — до того, чтобы ввести въ оной преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ, которые, — по свидѣтельству Суши и Стебельскаго, — будто бы, и дѣйствительно здѣсь преподавались; — чтобы сдѣлать свою любимую школу среднимъ учебнымъ заведеніемъ, откуда бы могли выходить способные и опытные пастыри цер-

(1) Акт. Зап. Росс. т. IV № 148.

(2) Такъ напр. патр. Мелетій, въ письмѣ къ Острожскому 1597 г., благодаритъ его за присланную книгу и жалѣетъ, что она не переведена и не напечатана на греческомъ языкѣ (См. «Мелетій Пигась» Пр. Малышевскаго т. II стр. 77).

кви. Но, съ другой стороны, необходимо также согласиться и съ тѣмъ, что время ставило серьезныя преграды, которыя помѣшали осуществленію этого благого наміренія князя.

Желаніе князя Острожскаго, — возвесть свою школу на высшую степень учебнаго развитія и научной постановки, — созрѣло впервые, кажется, въ то время, когда въ 1586 году патр. Іоакимъ, посѣтивъ Червоную Русь, далъ Львовскому училищу свой новый уставъ. Когда Львовская школа съ тѣхъ поръ стала первымъ православнымъ правильно-организованнымъ разсадникомъ просвѣщенія, имѣвшимъ своею спеціальною цѣлію сообщать религиозное образованіе и приготовить борцовъ богословской полемики, и когда оно обѣщало вскорѣ увидѣть несомнѣнные плоды отъ своей дѣятельности, будучи облечено нѣсколько въ новую форму, — князь Острожскій, съ 1585 года особенно близко ставшій къ Львовскому братству, не могъ, конечно, не усмотрѣть, обѣщаемыхъ преобразованной братской школой, пользы для православія, и вотъ онъ задается цѣлію возвесть и свою школу, по курсу обученія, на степень — если не на высшую, чѣмъ-на какую была возведена Львовская школа; то-на такую же самую какъ послѣдняя. И вотъ, около этого времени, — именно — около 1587 года, — одинъ современникъ, секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Бологнетто, свидѣтельствуетъ, что князь Острожскій просилъ у папы — прислать ему значительное число священниковъ (kapłanów) до семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи (1). Выраженіе «началъ закладывать» не обозначаетъ, конечно, здѣсь момента основанія школы, потому что несомнѣнные данныя говорятъ о существованіи ея въ Острогѣ гораздо ранѣе того времени, къ которому относится приведенное свидѣтельство; слѣд. — оно здѣсь обозначаетъ именно задумываемое княземъ Острожскимъ преобразованіе своей школы

(1) Relacye apostolskich nuncyuszów o Polsce. т. I стр. 460.

по образцу заграничныхъ, — возведенія ея на ступень католическихъ «семинарій», — среднихъ училищъ, подготовлявшихъ служителей для католической церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что князь по дѣлу преобразования своей школы сносился также и съ патріархами востока, — въ особенности съ патр. Мелетіемъ Пигасомъ, уважавшимъ западную образованность, — и получилъ на это полное согласіе представителей восточной церкви: прибытіе сюда, въ Острогъ, ученыхъ грековъ, воспитанниковъ западныхъ высшихъ школъ — Кирилла и Никифора, — въ качествѣ помощниковъ и руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ, вполне подтверждаетъ это. Безспорно, что это дѣло Острожскаго, — т. е. преобразование Острожской школы по образцу западныхъ, — хотя и веденное подъ руководствомъ востока, все таки въ это время было чрезвычайно смѣлымъ шагомъ со стороны князя, не представлявшимъ положительныхъ надежныхъ гарантій за безопасность и пользу того — для православной церкви, чего отъ души желалъ достигнуть князь Острожскій чрезъ этотъ шагъ. Какъ смѣлый шагъ и какъ рискованное дѣло, подобная попытка князя, — попытка — разбавить узкую программу низшей, строго-православной, Острожской школы введеніемъ въ курсъ преподаванія въ оной наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ запада, — должна была встрѣтить, прежде всего, сильную оппозицію народной массы, враждебной западу и всему, что было оттуда заимствуемо, и, — авторитетнаго въ глазахъ этой массы, Аѳона, гдѣ подвизались тогда многіе лучшіе южно-русы, — представители и оразители общаго, стараго, міровоззрѣнія южно-русской массы, — ея понятій и убѣжденій. Нѣсколько ранѣе еще эта оппозиція массы успѣла уже «порицаніями и хуленіями» встрѣтить главнѣйшій изъ трудовъ Острожскаго на пользу православной церкви, — трудъ исправленія и изданія первой славянской библіи: не иныя же чувства, — какъ чувства неудовольствія и отчужденія, — она могла питать и къ этимъ затѣямъ князя, и, — что важнѣе всего, — получала, говоримъ, поддержку для этихъ сво-

ихъ чувствъ съ Аѳона. Книги церковныя, — пишетъ одинъ аѳонскій инокъ того времени (южно-руссъ Іоаннъ Вишенскій), — всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты погубилъ и всю борбу свою на тое двинулъ, да его обмерзить и въ осаду и въ ненависть приведетъ; и што которые наши на словенскій языкъ хулять и нелюбятъ — да знаешь за певно, яко того майстра дѣйствомъ и рыганіемъ, духа его поднявши, творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маеть, зане же есть плодоносѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, кграматицъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола въ мѣстныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будетъ и Духа святаго подъемять. Въ злоковарну же душу, рече премудрый, не внидетъ премудрость; што нынѣ латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыченная поганскими тщеславными и гордыми догматы, страждетъ, которая Божія премудрости и разума духовнаго, смиренія, простоты и беззлобія вмѣстити никакоже не можетъ. Тѣмъ же блюдѣте, православніи, отъ той трутизны дѣти свои. — Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отъйти? Лѣпше есть ани аза знати, только бѣ до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинить и тамъ ся упокоеваетъ. Тако да знаете, яко словенскій языкъ предъ Богомъ честѣйшій есть и отъ Еллинскаго и Латинскаго — и се не басни

суть (1). Слова эти, изобличающіе въ авторѣ книжника стараго закала, были обращены ко всему южно-русскому православному міру, но они, безъ сомнѣнія, имѣли ближайшее отношеніе къ князю Острожскому, на имя котораго и заадресовано было посланіе, содержащее вышеприведенныя слова въ защиту славянскаго языка и строго-церковнаго образованія. Приведенныя слова, хотя они и дышали характеромъ книжничества, подпоры которой тогда уже нѣсколько пошатнулись и авторитетъ—заподозрѣнъ на столько, что ея одной (старой книжности) было уже мало, недостаточно для національной борьбы, —тѣмъ не менѣе—силой своего убѣжденія и народнаго чувства они не могли не произвести должнаго впечатлѣнія. Лучшее доказательство этаго мы находимъ въ постановленіяхъ собора 1621 года, въ силу которыхъ авторъ посланія, содержащаго приведенныя выше слова, долженъ быть призванъ съ Аѳона въ южную Русь, какъ одинъ изъ благочестивѣйшихъ мужей «процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ». И такъ—если авторъ приведенныхъ словъ, представлявшій собою оппозицію всѣмъ, увлекавшимся изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и др. свѣтскихъ наукъ, и въ частности—князю Острожскому, задумавшему приблизить свою школу по внутренней и внѣшней постановкѣ къ заграничнымъ, западнымъ,—если, говоря, авторъ за проводимыя въ своихъ посланіяхъ взгляды и убѣжденія, вполне тождественныя съ взглядами и убѣжденіями южно-русской массы, снискалъ себѣ такую расположенность, что даже удостоился впоследствии вызова на Русь «какъ знаменитый богословъ»; то не могла не остановиться здѣсь рѣшимость и настойчивость князя предъ общимъ голосомъ народа противъ его намѣреній,—народа, съ которымъ онъ не хотѣлъ разрывать, связывавшихъ его, религіозныхъ и нравственныхъ нитей, но—съ неиспорченными, сравнительно, желаніями и намѣреніями котораго онъ одинъ, можно сказать, старался

(1) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. II стр. 210.

сообразовать и свои намѣренія и свою дѣятельность,— за что и заслужилъ великую славу у современниковъ и признательность благодарнаго потомства... И, дѣйствительно, въ послѣднихъ годахъ XVI в. мы находимъ Острожскую школу все такую же низшею,—не возведенною еще на ту ступень, на которую желалъ ее возвести князь Острожскій. И основаніе для такого утвержденія находимъ въ слѣдующемъ. Александрійскій патріархъ, Мелетій Пигасъ, въ шестомъ своемъ письмѣ къ Острожскому, въ 1597 году, пишетъ между прочимъ такъ: «прошу твою свѣтлость ко всѣмъ трудамъ твоимъ для истины присоединить и слѣдующее: воздвигнуть училище, эту наилучшую ограду благочестія» (1). Что же значать эти слова? Естественнo, ими необозначается здѣсь просьба патріарха положить основаніе,—завести школу въ Острогѣ, потому что уже тогда она здѣсь существовала, и объ этомъ было извѣстно не только Мелетію, который ранѣе нѣсколько совѣтовалъ присылать на востокъ способныхъ людей для подготовленія къ учительству (2); но даже его предшественнику, Іереміи II. Такимъ образомъ остается, значить, признать, что въ приведенныхъ словахъ—просьба патріарха завести въ Острогѣ высшее училище, чѣмъ какое тамъ было,—училище, курсъ преподаванія въ которомъ расширился бы введеніемъ изученія латинскаго и греческаго языковъ и нѣкоторыхъ другихъ наукъ,—такъ какъ въ этомъ образованный патріархъ видѣлъ громадную и ничѣмъ не замѣнимую пользу для южно-русской православной церкви и южно-русскаго народа.

Но не очень легкимъ для выполненія представлялось Острожскому то, чего просилъ его патріархъ, въ видахъ громадныхъ пользъ для церкви и «истины». Причинъ на это было достаточно и они отчасти уже извѣстны. Но главнѣйшею, кажется, которой нельзя обойти здѣсь молча-

(1) «Мелетій Пигасъ» Пр. Малышевскаго т. II стр. 75.

(2) Тамъ же стр. 65.

ніемъ, было то, что князь видѣлъ изолированность положенія своей школы, не гарантированной отъ безопасности на дальнѣйшія времена, послѣ его смерти. Здѣсь, къ сожалѣнію, не было церковнаго братства,—единственно-надежной въ то смутное и тяжелое для православія время формы религіозно-церковной жизни православнаго западно-русскаго народа, въ которой сосредоточивалась также и велась и религіозно-національная оппозиція западно-руссковъ. Здѣсь былъ только кружокъ ученыхъ людей, въ составъ котораго, безъ всякаго сомнѣнія, входили, кромѣ православныхъ, и иновѣрцы. И, потому, какъ можно было полагаться на то, что какой нибудь Лятошъ, или Христофоръ Бронскій,—изъ уваженія къ личности князя Острожскаго и въ угоду за надѣленіе «магистріями», написавшій прекраснѣйшее сочиненіе въ защиту православія,—могъ быть на всегда полезнымъ или, по крайней мѣрѣ, не вреднымъ для православія?—Надѣяться, опять, Острожскому на покровительство его школѣ со стороны своихъ сыновей было весьма опасно: потому что одинъ изъ нихъ, Янушъ, обольщенный іезуитами, еще ранѣе 1577 года отступилъ отъ православія и сдѣлался его врагомъ; а другой,—Александръ, хотя и сохранилъ православную вѣру, но, женившись на католичкѣ, очутился между зубами западныхъ людей вѣры и науки, которые такъ искусно опутывали даже не думавшихъ никогда объ отступленіи, что измѣнили православію или дѣлали къ тому уже первый шагъ даже такіе люди, которыхъ никто не подозрѣвалъ способными къ этому. (1).

Вотъ почему, думаемъ, князь Острожскій, при всемъ своемъ желаніи поднять свою школу,—не воздвигнулъ въ Острогѣ такого училища, какое просилъ его устроить патр. Мелетій; но счелъ за лучшее и полезнѣйшее завести оное (училище славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ) въ 1602 году при Дерманскомъ мона-

(1) Лит. церк. уніа. Проф. Коляловича т. I стр. 167.

стырѣ, съ ближайшею цѣлю доставленія возможности «способнѣйшимъ изъ братіи учиться этимъ письменамъ у лицъ св. восточной вѣры»,—при монастырѣ, который, по волѣ того же патріарха, преобразованъ былъ княземъ въ общежительный «для поддержанія св. вѣры въ русскомъ народѣ, для преспѣванія и преподаванія наукъ, отъ которыхъ могла бы быть самоскорѣйшая и наилучшая помощь церкви Божіей (1).

Так. обр., резюмируя все сказанное по нашему вопросу, мы видимъ, во 1-хъ что «Острожская школа» и «Острожская Академія» — вещи совершенно различныя; во 2-хъ что Острожская школа,—судя и по тогдашнему,—была низшимъ учебнымъ заведеніемъ,—низшимъ напр., чѣмъ Львовская школа «вызволненныхъ наукъ» и, въ 3-хъ наконецъ, что князь Острожскій хотѣлъ возвести оную на возможно высшую степень научной постановки и развитія,—но не возвелъ, такъ какъ обстоятельства тогдашняго тяжелаго для православія времени не благопріятствовали благому намѣренію князя.

Обходя въ настоящій разъ рѣшеніе вопроса объ Острожской школѣ, какъ учебно-воспитательнаго заведенія и ея значенія для православія, въ предлагаемой статьѣ мы постараемся сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ Острожской Академіи и ея заслугахъ для православія.

(Продолженіе впереди).

(1) Пам. изд. Кіев. комм. т. IV отд. I стр. 35.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 Сентября № 26 1881 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.).

(Продолженіе).

Подъ именемъ «Острожской академіи» нужно, говоримъ, разумѣть кружокъ ученыхъ людей, — представителей многихъ отраслей науки, существовавшій при дворѣ князя Константина Константиновича Острожскаго, который составлялъ учрежденіе совершенно отдѣльное отъ «Острожской школы».

Съ точностію нельзя опредѣлить — времени, въ которомъ можно было бы приурочить начало учрежденія Острожской академіи: можно сказать только то, что она составлялась постепенно, чрезъ пополненіе состава ея членами или другими учеными — до преслѣдуемыхъ за что либо у себя (Ляховъ), то нарочно приглашаемыми княземъ (греки), — и что въ концѣ 70-хъ годовъ академія открыла уже свои серьезныя и полезныя для православнаго церкви азіянія.

Учрежденіе въ ту пору академіи сопряжено было съ весьма громадными трудностями, для преодоленія которыхъ могъ только всецѣло преданный заботамъ о защитѣ и

процвѣтаніи западно-русскаго православія, энергичный и вліятельный князь Острожскій. При упадкѣ западно-русскаго просвѣщенія вообще и религіозно-нравственнаго образованія — въ частности, въ это время ощущался, прежде всего, громадный недостатокъ въ образованныхъ и ученыхъ людяхъ, которыхъ можно было бы пригласить въ члены академіи: они считались здѣсь — единицами. Притомъ — и эти единичныя образованныя личности изъ западно-руссовъ были воспитанники заграничныхъ — католическихъ и протестантскихъ — школъ, — люди располагавшіе достаточными матеріальными средствами, доставившими имъ возможность и получить образованіе за границей. Наконецъ, — въ довершеніе бѣды, — получая образованіе за границей, эти аристократы, подъ вліяніемъ идей запада, отступали отъ того, что служило фундаментомъ и главнымъ условіемъ истиннаго образованія, — они отступали отъ православія, покидали вѣру своихъ отцевъ, и, — понятное дѣло, — возвращаясь на родину католиками или протестантами, возвращались еще съ большимъ забвеніемъ и невниманіемъ къ нуждамъ народа, который становился уже для него чужимъ. Короче говоря — они были совершенно бесполезными для истиннаго просвѣщенія своихъ земляковъ: примѣръ ихъ только увлекалъ весьма многихъ отступать отъ вѣры. Конечно, не безъ того, чтобы въ это время, — время сильнаго увлеченія доктринами запада, — не было уже и вовсе такихъ личностей, которыя, возвращаясь изъ заграницы съ пріобрѣтеннымъ запасомъ всестороннихъ знаній, въ чистотѣ не сохраняли бы и православной вѣры; но это была уже особенная рѣдкость: это были единицы изъ единицъ, которыми считались западно-русскіе образованные люди. Вотъ эти только рѣдкія личности, совмѣщавшія въ себѣ и заграничное образованіе и истинную вѣру, способны были принести пользу родному народу и родной вѣрѣ и были весьма нужны для учреждаемой въ Острогѣ академіи. Князь Острожскій и ищетъ этихъ рѣдкихъ, полезныхъ личностей на родинѣ; но находитъ лишь одау, въ

лицѣ Герасима Даниловича Смотрицкаго, котораго и дѣлаетъ главнѣйшимъ членомъ своей академіи и своимъ приближеннѣйшимъ помощникомъ и руководителемъ.

Испытывая недостатокъ въ способныхъ людяхъ изъ западно-руссковъ, которыми можно было бы съ пользою пополнить составъ своей академіи, князь Острожскій ищетъ таковыхъ, прежде всего, на востокѣ. «Со тщаніемъ и прилежнымъ моленіемъ» князь проситъ Константинопольскаго патріарха, Іеремію II, прислать въ Острогъ, «наказанныхъ въ писаніяхъ эллинскихъ и славянскихъ» (1) людей. Патріархъ исполняетъ просьбу князя, и при дворѣ послѣдняго является «полно дидаскаловъ, присланныхъ патріархомъ къ размноженію наукъ православія» (2) и «полно истинныхъ богослововъ отъ патріарховъ восточныхъ, знающихъ богословію и вѣру правую» (3). Одинъ изъ изслѣдователей острожской старины (1847 г.), Перлштейнъ, утверждаетъ, что въ Острогѣ такъ было много этихъ ученыхъ грековъ, вызванныхъ изъ Греціи княземъ Острожскимъ, что они заселяли цѣлую улицу, носившую названіе «греческой». «И еще въ настоящее время, — прибавляетъ Перлштейнъ, — нѣкоторые острожскіе старожилы помнятъ живописныя изображенія св. Апостоловъ и другихъ угольниковъ Божіихъ, украшавшія между оконъ наружныя стѣны домовъ этой улицы (древній обычай грековъ), — такъ сильно и такъ убѣдительно воспоминаніе о лучшихъ временахъ г. Острога!» (4).

Но не одни греки изъ чужестранцевъ были членами острожской академіи; въ составъ ея, — по приглашенію, конечно, князя Острожскаго, — входили «и инии (кромѣ грековъ) многіе наказанные добрѣ въ божественныхъ писаніяхъ», — что видно изъ предисловія къ острожской

(1) Предисл. къ Острож. библ. 2-е изд. 1581 г. Муз. Кіев. дух. Акад.

(2) Перестрога въ Акт. Зап. Росс. т. 4 стр. 206.

(3) Палинодія въ Русс. Историч. Библіот. т. 4 стр. 1137.

(4) Чтен. въ Общ. Истори. и древн. 1847 г. № 4 отд. IV. стр. 138.

библии. Кто были эти и иные многие ученые богословы, принимавшие участие въ предварительныхъ работахъ по пересмотру и изданію библии, — нельзя опредѣлить, совершенно отбывшіеся отъ области предположеній. Не были ли это ученые представители тѣхъ странъ и мѣстъ, вселенныхъ, въ которыя князь Острожскій посылалъ посланія и письма, съ просьбой доставить ему полный кодексъ библии, — т. е. сербы, болгары, чехи и ученые изъ римскихъ предѣловъ? — Прося списковъ библии для новаго полнаго изданія ея на славянскомъ языкѣ, Острожскій, — весьма возможная вещь, — при недостаткѣ у себя дома образованныхъ людей, могъ просить въ тѣхъ мѣстахъ, куда посылалъ за списками библии, и ученыхъ людей, чтобы восполнить этотъ недостатокъ. Мы знаемъ напр. что и въкоторыя книги св. Писанія для Острожской библии — 3-я маккавейскія книги — переведены съ греческаго и чешскаго языка (1); другія — Товитъ, Іудифъ и 3-я Эздры — съ латинской вульгаты (2). Очень можетъ быть, поэтому, что въ Острогѣ работали, въ качествѣ членовъ академіи, и чехи и ученые латиняне, строго, конечно, контролируемые въ своихъ работахъ для православія, какъ княземъ Острожскимъ, такъ и общимъ совѣтомъ академіи. Такихъ членовъ, особенно латиняиъ, (если только они были) было, конечно, весьма мало; чѣмъ объясняется и то, что о нихъ не упоминаютъ и современники, писавшіе объ Острожской академіи, — авторъ Перестроги и авторъ Палинодіи.

До нашего времени не сохранилось извѣстій о всѣхъ членахъ Острожской академіи, трудившихся на пользу православія въ періодъ существованія оной; мы имѣемъ такія или иныя свѣденія лишь о слѣдующихъ членахъ Острожской академіи: Герасимѣ Смотричкомъ, протосинкелѣ Никифорѣ, Кириллѣ Лукарисѣ, пресвитерѣ Василѣ пресвитерѣ Даміанѣ, типографщикѣ Іоаннѣ Осодо-

(1) См. приписку въ концѣ 3-й Макк. кн. въ Остр. библии. (8)

(2) Церк. Истор. Пресвящ. Филарета Черниговскаго ч. III стр. 69.

ровъ, Христофоръ Филалетъ, Лятошъ, Феодоръ спудеъ и архимандритъ Кипріанъ.

Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, когда и гдѣ получилъ образованіе Герасимъ Смотрицкій, — обратившій на себя своею ученостію вниманіе князя Острожскаго: можемъ сказать только, что, — судя по тогдашнему, — это былъ весьма образованный человекъ; онъ былъ „umiejętnym w naukach greckich, łacinskich i języku słowiańskim“ (1). Сначала онъ проходилъ должность каменецкаго подстаросты и сеймоваго судьи (2), а ранѣе 80-хъ годовъ XVI в. Герасимъ призванъ былъ княземъ Острожскимъ къ своему двору, награжденъ двумя сслами и включенъ въ члены заводимой княземъ въ Острогѣ академіи, гдѣ и трудился на пользу православія до самой своей смерти.

Никифоръ — родомъ грекъ, получилъ образованіе въ Падуанскомъ университетѣ (въ Италіи), гдѣ былъ нѣсколько лѣтъ ректоромъ эллинскихъ и греческихъ наукъ; (3) затѣмъ семъ лѣтъ, послѣ оставленія ректорства, провелъ въ Венеціи, состоя проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка. Возвратившись въ Константинополь, Никифоръ, за свою ученость, былъ пожалованъ отъ патріарха званіемъ великаго протосинкела и, по праву этой должности, два раза управлялъ дѣлами Константинопольскаго патріаршаго престола (4). Смутныя обстоятельства 1583 г., — имѣвшія своимъ источникомъ Римъ и папу, — начавшія волновать западно-русскую православную церковь, — введеніе григоріанскаго календаря, незамедлили сдѣлаться извѣстными Константинопольскому патріарху, Іереміи II, и тотъ поспѣшилъ послать въ Русь вѣрныхъ и надежныхъ людей, чтобы они забрали справки и въ точности передали патріарху свѣдѣнія о дѣлахъ католиковъ, волновавшихъ западно-русскій православ-

(1) Siarczinsky. Obraz wieku Zygmunta III. t. II. f. 204.

(2) Ibidem. fol. 207.

(3) Акт. Зап. Росс. т. 4 стр. 161.

(4) Тамъ же.

ный народъ. Посольство пало на Никифора и Діонисія, патріаршихъ экзарховъ, которые должны были всю порадѣ взять написанію, да вины сія увѣдавши, опять отпра- виться въ Русь съ патріаршими • эпистоліями • (1). Но этимъ посланцамъ патріарха не суждено было выпол- нить на сей разъ, возложенной на нихъ, миссіи. Съ одной стороны—небезопасность путешествія изъ Молда- вѣи, куда прибылъ уже Никифоръ съ своими спутни- ками, въ юго-западную Русь вслѣдствіе частыхъ напа- деній татаръ;—а съ другой—вѣсть о смутахъ и волне- ніяхъ въ Константинопольской церкви,—объ интригахъ изъ запатріаршаго престола, окончившихся въ 1584 году вторичнымъ изгнаніемъ патріарха Іереміи II,— заставили Никифора возвратиться изъ Валахїи въ Кон- стантинополь. Между тѣмъ князь Острожскій, которому хорошо были извѣстны дарованія, образованіе и значе- ніе въ Константинопольской церкви Никифора, не могъ не заинтересоваться его личностью и не вознигнѣть же- ланія видѣть этаго челоуѣка въ числѣ своихъ прибли- женныхъ ученыхъ. По этому предмету князь Острожскій писалъ даже къ Никифору письмо (2) и изъ позднѣй- шаго свидѣтельства самаго же Никифора, содержащаго- ся въ показаніяхъ его на судѣ, узнаемъ, что онъ съ благосклонностью принялъ приглашеніе князя, пообѣщавъ ему •быть у Острогу дидакаломъ• (3). Но, къ сожа- лѣнію, князю Острожскому весьма долго пришлось ожи- дать исполненія обѣщаній Никифора. Никифоръ едва только въ 1594 году предпринялъ путешествіе въ Ост- рогъ, посылаемый туда патріархомъ въ качествѣ совѣт- ника для истинныхъ послѣдователей и ревнителей право- славія въ тяжкія минуты жесткихъ нападеній на право-

(1) Мелетій Пигаєвъ. Проф. И. И. Малышевскаго т. II стр. 98. Письмо Іереміи къ митр. кievск. Онисифору отъ 11 Января 1583 года.

(2) Странникъ 1860 г. Ноябрь стр. 201. Статья Проф. М. О. Кояловича.

(3) Акт. Зап. Росс. т. 4 стр. 213.

славную вѣру ея сильныхъ враговъ. Но на дорогѣ онъ былъ задержанъ врагами православія, которые продержали его около года (1); такъ что только, благодаря бѣгству, Никифору пришлось около Юня 1596 г. прибыть въ Острогъ. Недолго и опять суждено было Никифору пользоваться спокойствіемъ и послужить Острожской академіи и западно-русскому православію; въ Мартѣ мѣсяцѣ 1597 года Никифоръ опять попадаетъ въ руки враговъ и, несмотря на всѣ старанія князя Острожскаго — освободить его (2), умираетъ въ тюрьмѣ, заморенный холодомъ и голодомъ.

Кириллъ Лукарисъ — родомъ грекъ, также былъ воспитанникомъ Падуанскаго университета, гдѣ онъ изучалъ древне-греческій, латинскій, италіанскій, турецкій и сербскій языки и достаточно познакомился съ существовавшимъ въ то время курсомъ наукъ: философіею Платона и Аристотеля, діалектикою и риторикою, метафизикою, эстетикою, исторіею, богословіемъ и экзегетикою. (3) По возвращеніи въ Константинополь, Лукарисъ былъ благосклонно принятъ патріархомъ мелетіемъ, который, нашедши его достойнымъ священнаго сана, посвятилъ его сперва въ іеромонаха, скоро потомъ въ архимандрита и назначилъ настоятелемъ одного греческаго монастыря въ Критѣ (4). Но недолго здѣсь пришлось быть Лукарису, — Мелетій далъ ему иное назначеніе, болѣе соотвѣтствующее его высокому образованію. Въ 1594 г. Мелетій отправилъ Лукариса, съ письмомъ къ князю Острожскому и всѣмъ православнымъ, въ юго-западную

(1) Тамъ же стр. 162.

(2) См. процессъ о Никифорѣ Акт. Зап. Росс. т. 4 № 117 и 149; также — Niemcewicz. Pament. o dawney Polsce т. II стр. 209; Kottubay. Galereja Nieswieziska portretów Radziwiłłowskich стр. 87; Матер. для истор. зап.-русс. церкви С. Т. Голубева письмо Острожскаго къ зятю Радзивиллу отъ 7 февр. 1597 г. и др.

(3) Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Jahr... p. 49—50.

(4) Gesch. des Protest. in der orient. Kirche... p. 50.

Русь (1). Здѣсь Лукарисъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны князя Острожскаго, который предоставилъ ему видное мѣсто въ Острожской академіи, вѣроятно, сдѣлавъ его, послѣ Герасима Смотрицкаго, завѣдующимъ Острожскою школою. Въ этой должности Лукарисъ оставался до 1597 года, т. е. до того времени, когда, разсерженные исходомъ Брестскаго собора 1596 г., іезуиты воздвигли на восточныхъ протосинкелловъ гоненія (2). Чтобы ускользнуть отъ жесткихъ преслѣдованій іезуитовъ, Лукарисъ бѣжалъ изъ Россіи (3) и, пробывъ недолгое время въ константинополѣ, отправился путешествовать по западной Европѣ. Неизвѣстно опредѣленно, сколько времени провелъ Лукарисъ въ путешествіи по Европѣ; извѣстно только, что онъ возвратился оттуда по настоянію Мелетія, и на обратномъ пути прошелъ Болгарію, Бессарабію и особенно долгое время пробылъ въ Молдавіи (4). Въ 1699 году мы находимъ Лукариса въ Константинополѣ, откуда онъ въ 1600 году вторично былъ отправленъ патріархомъ Мелетіемъ въ юго-западную Русь съ письмами къ протестантамъ, некававшимъ религіознаго единенія съ православною церковью (5), ко многимъ князьямъ и дворянамъ и къ ко-

(1) См. заглавіе посланія патр. Мелетія Пигаса отъ 8 Марта 1594 г. во II т. соч. Проф. Малышевскаго, прилож. II стр. 2. До 1594 г. Лукариса небыло въ Россіи и потому вовсе безосновательно нѣкоторые считаютъ его первымъ ректоромъ Острожской школы, которая основана здѣсь далеко ранѣе этого времени.

(2) Высокопреосвящ. Макарій полагаетъ, что между 1594 и 1596 г.г. Лукарисъ покидалъ Русь и былъ на востокѣ, откуда принесъ другое письмо патріарха къ князю Острожскому (т. IX стр. 650),—но гдѣ же основаніе и какое основаніе для этого положенія?—

(3) *Gesch. des Protest. in der orient. Kirche...* p. 61—62.

(4) *Ibidem* p. 64.

(5) Объ этомъ единеніи можно читать: въ соч. Лукашевича «Исторія гелъветическихъ исповѣданій въ Литвѣ»; въ «Памяти. русской старины въ зап. губерніяхъ» изд. подъ редакціей Баттшкова—выпускъ 5-й стр. 50—55; и въ Прибавленіи къ Описанію Софійскаго собора стр. 68—70.

ролю, Сигизмунду III (1). Въ этотъ разъ, впрочемъ, Лукаристъ недолго пробылъ въ Россіи и въ 1602 году мы видимъ уже его александрійскимъ патріархомъ, — по прежнему заботящимся о процвѣтаніи западно-русскаго просвѣщенія (2).

Пресвитеръ Василій былъ, вѣроятно, настоятелемъ одной изъ Острожскихъ церквей. Неизвѣстно, кто онъ былъ по происхожденію и гдѣ получилъ образованіе. Извѣстно только, что онъ былъ одинъ изъ выдающихся по своей учености мужей, трудившихся на пользу православія въ Острогѣ, — работавшій здѣсь приблизительно съ 1586 по 1598 годъ. Его ученый трактатъ — сборникъ въ шести отдѣлахъ, — отпечатанный въ 1588 году въ острожской типографіи (3), обличаетъ въ немъ мужа строго-православныхъ убѣжденій, основательно знакомаго съ твореніями отцевъ и учителей церкви восточной и западной — и располагающаго умѣньемъ искусно пользоваться нужнымъ матеріаломъ изъ богатаго ихъ собранія, въ полемикѣ съ грозными и сильными врагами православія.

Пресвитеръ Даміанъ былъ родомъ южноруссъ. Онъ былъ родной братъ гетмана Наливайки, пріобрѣтшаго себѣ извѣстность грабежами и опустошеніями Волыни и Бѣлороссіи (4) и печальною участію — на эшафотѣ въ 1595 г. въ Варшавѣ (5). Неизвѣстно, гдѣ пресвитеръ Даміанъ получилъ образованіе; извѣстно только то, что онъ достаточно былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ, такъ что могъ переводить съ греческаго полезныя книги (6). Пресвитеръ Даміанъ вмѣстѣ съ званіемъ и обя-

(1) Мелетій Пигасъ т. II въ концѣ книги.

(2) Пам. Кіев. Комм. т. 4 отд. I стр. 34.

(3) Полн. собр. соч. М. А. Максимовича т. I стр. 186; Кара-таевъ. Описаніе старопеч. книгъ т. I стр. 220.

(4) Архивъ юго-западн. Россіи ч. III т. I. Предисловіе.

(5) Исторія Малороссіи Маркевича т. I подъ годомъ 1595-мъ.

(6) Пресвитеромъ Даміаномъ переведена напр. съ греческаго книга — «Дѣяство на оспалый уммелъ чловѣчій» изд. въ Острогѣ въ 1607 году.

занностями члена Острожской академіи совѣщаль въ себѣ и настоятельство въ Острожской Никольской церкви. Будучи человекомъ ученымъ и, стремясь своими познаніями оказать услугу православнои церкви въ борьбѣ съ тогдашними врагами, Даміанъ въ тоже время обнаруживалъ свою ревность по вѣрѣ и другимъ болѣе рѣшительнымъ и простымъ способомъ;—безъ всякаго сомнѣнія, подражая въ этомъ случаѣ своему брату—гетману,—посредствомъ набѣговъ и нападеній на враговъ православія (1). Конечно, это была уже крайность, развѣ только извиняемая особенными обстоятельствами того времени... За свою ревность и преданность православію и наукѣ, пресвитеръ Даміанъ пользовался особенною расположенностью князя Острожскаго, который защищалъ его во всѣхъ столкновеніяхъ съ недоброжелателями (2) и въ взводимыхъ на него врагами обвиненіяхъ,—можетъ быть, отчасти даже и вѣрныхъ (3). По учрежденіи въ 1603 году (4) въ Дермані типографіи, князь Острожскій сдѣлалъ Даміана начальникомъ этой типографіи, и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ выходили изъ нея всѣ, издававшіеся здѣсь, книги (5).

Іоаннъ Θεодоровъ, гасунскій діаконъ, былъ однимъ изъ московскихъ типографщиковъ, трудившихся надъ изданіемъ апостола—первой печатной книги, вышедшей въ 1564 г. изъ московской типографіи, послѣ ея учрежденія датчаниномъ Гансомъ (6). Обвиненный москвичами, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцевымъ, въ ереси, онъ бѣжалъ изъ Москвы въ Литву, гдѣ нашелъ пріютъ у литовскаго гетмана, Григорія Ход-

(1) Архивъ юго-зап. Росс. ч. III т. I № 31, 33 и др.

(2) Чтен. въ Общ. Истор. и древн. 1847 г. № 4 стр. 140.

(3) Архивъ юго-запад. тамъ-же.

(4) Собр. соч. М. А. Максимовича т. I стр. 182.

(5) См. приписки напр. въ Дерманскомъ Октоихѣ, изд. 1604 г.

Муз. Кіев. д. Акад.

(6) Временникъ изд. при Московск. Унив. 1849 г. кн. I. Смѣсь стр. 3.

кевича, основавшаго типографію у себя, въ Заблудовѣ (Гроднен. губ.). По смерти Ходкевича, Теодоровъ покинулъ подаренную ему гетманомъ деревню и перешелъ въ Львовъ, гдѣ завелъ свою типографію, изъ которой вышелъ въ 157¹/₂ г. апостолъ. Когда въ Острогѣ были окончены предварительныя работы сличенія и исправленія библии, Острожскій вызвалъ его въ Острогъ, устроилъ при его пособіи типографію и напечаталъ съ нимъ новый завітъ, полную библію и хронологію (2). Послѣ этихъ трудовъ Теодоровъ, неизвѣстно почему, воротился въ Львовъ, чтобы продолжать печатаніе книгъ въ своей типографіи, гдѣ и умеръ 5 Декабря 1583 года (3).

Христофоръ Филалетъ, авторъ извѣстнаго историко-полемическаго сочиненія «Апокрисисъ», — неизвѣстно откуда происходилъ родомъ и гдѣ получилъ образованіе: историческая наука не пришла еще къ открытію несомнѣнныхъ данныхъ относительно личности этаго ученаго. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя критическая провѣрка историческихъ данныхъ о немъ, извѣстныхъ въ наукѣ, даетъ право, съ болѣею вѣроятностію, полагать, что это былъ образованный Христофоръ Бронскій, — лице свѣтское (4), протестантскаго вѣроисповѣданія (5), лице приближенное къ

(2) Тамъ-же стр. 6.

(3) Тамъ-же.

(4) Предисловіе къ Апокрисису изд. въ 1869 г. въ Кіевѣ. стр. XXI.

(5) Доводы о протестантствѣ Филалета, съ достаточной подробностію и основаніемъ, изложены въ статьѣ Проф. Кіев. дух. Академіи—С. Т. Голубова (Труд. Кіевск. дух. Акад. 1876 г. Январь стр. 138—150). Къ тому еще, — въ подтвержденіе мнѣнія о протестантствѣ автора Апокрисиса, — считаемъ не лишнимъ добавить и слѣдующее. Авторъ «Перестроги», сообщающій весьма подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, фигурирующихъ въ его историко-полемическомъ трудѣ, не дѣлаетъ этаго относительно лишь Филалета и Лягоша. Въ сказаніи объ этихъ личностяхъ онъ ограничивается лишь приложеніемъ къ ихъ именамъ термина «нѣякій» (какой-то) (см. Акта Зап. Росс. т. 4 стр. 225). Одно изъ двухъ — или авторъ Перестроги имѣлъ объ этихъ личностяхъ самыя смутныя и неточныя свѣдѣнія, или

низю Острожскому, который припималъ наибольшее участіе въ судьбѣ его литературнаго труда, — лице, писавшее, по свидѣтельству автора Антиррисса, по найму изъ за мѣстечекъ и деревень, «которыми намазаны были его руки» (1).

Лятошъ или Лятось, ученѣйшій математикъ и астрономъ, — о которомъ свидѣлствуютъ авторъ Перестроги и авторъ Палинодіи, — былъ профессоромъ астрономіи въ Краковской академіи. За сочувствіе идеямъ реформаци и за написаніе возраженій на новосоставленный гри-

же—выражаетъ этимъ пренебреженіе къ нимъ. Но первое едва ли можетъ быть допущено. Авторъ Перестроги, какъ современникъ всего происходившаго, сдѣлавшагося предметомъ его сочиненія, — къ тому лицу, несомнѣнно, имѣвшее непосредственное сношеніе съ Острогомъ, долженъ былъ имѣть, по крайней мѣрѣ о Филалетѣ, писавшемъ почти одновременно съ нимъ, точныя свѣдѣнія, — и какъ человекъ, задавшійся цѣлю оставить потомству вѣрныя свѣдѣнія о тяжелой эпохѣ западно-русскаго православія и ея дѣятеляхъ, онъ долженъ былъ бы передать для потомства такія же свѣдѣнія и о Филалетѣ, оказавшемъ услугу для православія своимъ Апокрисисомъ, — какъ дѣлаетъ авторъ Перестроги относительно всѣхъ дѣятелей. Остается, значитъ, признать второе, — что неопредѣленность выраженій о Филалетѣ и Лятошѣ есть признакъ пренебреженія автора Перестроги къ этимъ личностямъ. Но за что же, если они оказали услугу православію?... Другой причины нельзя представить кромѣ той, что Лятошъ и Филалетъ были не православные, но протестанты (о Лятошѣ категорически можно утверждать это). Авторъ Перестроги, какъ вѣрный послѣдователь старыхъ, отживавшихъ свой вѣкъ традицій, никакъ, конечно, не могъ помириться съ тою мыслию, чтобы смѣлъ оказывать услугу православію иновѣрецъ; но, между тѣмъ, онъ видѣлъ важность услугъ, оказанныхъ православію Филалетомъ и Лятошемъ, и вотъ онъ занесъ ихъ имена на страницы своего сочиненія, избравъ все таки для этого отличную форму — форму неопредѣленности выраженій о нихъ — «нѣякій Лятошъ», «нѣякій Филалетъ». Конечно, это наше предположеніе, взятое само по себѣ, не выдержитъ критики; но, при достаточности другихъ данныхъ по этому вопросу, оно, несомнѣнно, имѣетъ степень нѣкоторой вѣроятности...

(1) Скабалл. Исслѣд. объ Апокрисисѣ стр. 14.

поріанскій календарь, или, — говоря словами автора Палинодія, — за то, что календарь новый славне зганийъ и перомъ доводне презъ друкъ показалъ же есть омыльпый. (1), Лятошъ лишился своей кафедры въ Краковѣ и былъ приюченъ княземъ Острожскимъ при его дворѣ, (2) гдѣ, конечно, онъ былъ весьма нуженъ и полезенъ въ то время своими познаніями и образованностью.

Самыя короткія свѣденія сохранились до насъ относительно спудея Θεοδора и архимандрита Κυπριανου. О первомъ извѣстно только, что онъ былъ западно-русь; получилъ богословское образованіе при патріаршей кафедрѣ въ Константинополѣ и былъ возвращенъ на родину патріархомъ, Іеремією II, послѣ 1583 года: (3) о второмъ же, — что онъ только былъ посланъ въ 1597 г. къ патріарху Μελετίου «для духовнаго наставленія». (4).

Вотъ перечень членовъ Острожской академіи, имена которыхъ сохранились до нашего времени на вышедшихъ изъ подъ ихъ пера произведеніяхъ или на другихъ письменныхъ документахъ того времени. Но этимъ короткимъ перечнемъ, конечно, далеко еще не исчисляются всѣ ученыя силы Острожской академіи, полагавшія свои труды, по желанію князя Острожскаго, на пользу православной вѣрѣ. Кромѣ перечисленныхъ ученыхъ, въ Острогѣ разновременно работало еще и много такихъ, имена которыхъ покрыты для насъ мракомъ неизвѣстности. Въ Острогѣ было, по свидѣтельству автора Палинодія, множество евангельскихъ и апостольскихъ учителей и множество богослововъ; тутъ были и славные доктора, и знаменитые ораторы, и «превыборные» астрономы и математики, словомъ — всѣ знаменитые современные ученые: (5) нельзя недумать, поэтому, что все это были ученые члены Острожской академіи.

(1) Палинод. въ Русс. Истор. Библ. т. 4 стр.

(2) Bentkowsky. Histor. liter. polsc. t. II fol. 311.

(3) Мелетій Пигаь т. II стр. 98—100.

(4) Тамъ-же стр. 74.

(5) Палин. въ Русс. Истор. Библ. ч. 4 стр. 1137.

Какую же организацію имѣла Острожская академія и какой духъ и направленіе характеризуютъ ея ученыя занятія и литературные труды?—вотъ вопросы, рѣшенія которыхъ требуетъ послѣдовательность и полнота нашей замѣтки.

Отвѣчать категорически на первый вопросъ, отложивъ въ сторону всякія предположенія, весьма трудно,—такъ какъ не сохранилось до нашего времени такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы построить опредѣленный и ясный отвѣтъ. Свидѣтельства того времени говорятъ намъ только, что въ составъ Острожской академіи входили представители всѣхъ отраслей тогдашней современной науки — медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, филологіи, богословія и проповѣдничества; но они не говорятъ намъ ничего опредѣленнаго объ устройствѣ академіи. Приблизительно судить о послѣднемъ даетъ нѣкоторое основаніе одинъ изъ литературныхъ трудовъ, изданный подъ редакціей Острожской академіи, — библія, — или вѣрнѣе — способъ веденія предварительныхъ работъ по части изданія библіи, указанный въ предисловіи Острожской библіи. Основаніе или указаніе на устройство мы видимъ (отчасти-конечно) въ своеобразномъ и оригинальномъ подраздѣленіи библіи на части, обозначенныя — каждая новою, отдѣльною нумераціею полулистовъ. Извѣстно, что полная острожская библія — по части нумераціи страницъ — раздѣляется на пять неравномѣрныхъ и своеобразныхъ даже частей. Въ первую — входятъ всѣ законоположительныя книги, историческія и книга Іова (276 полулистовъ); вторую — составляютъ книги учительныя (начиная съ псалтири) и пророческія (180 полул.); третью — книги маккавейскія (30 полул.); четвертую — четверо-евангеліе (56 полул.) и пятую — дѣянія апостольскія, соборныя посланія, посланія Ап. Павла и апокалипсисъ (70 полул.). Намъ кажется, что основаніемъ для подобнаго дѣленія послужило то обстоятельство, что Острожская академія производила свои предварительныя работы по изданію библіи, раздѣлившись на пять

группъ или отдѣленій, изъ которыхъ каждое и обозначило свой трудъ отдѣльнымъ счетомъ страницъ, — и что потомъ уже, по окончаніи трудовъ каждой группы или отдѣленія, академія, въ полномъ своемъ составѣ, — въ общемъ своемъ совѣтѣ, при участіи князя Острожскаго, — рассмотрѣла всѣ эти работы, — о чемъ и говорится въ предисловіи къ библии. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, чтобы подраздѣленіе Острожской академіи на пять отдѣленій при предварительныхъ работахъ по изданію библии обуславливалось требованіями устава академіи и такъ соблюдалось и практиковалось и послѣ: очень можетъ быть, что это раздѣленіе академіи на пять отдѣленій имѣло отношеніе исключительно только къ этому времени — времени предварительныхъ занятій по изданію библии. Но намъ важно то обстоятельство, что въ Острожской академіи возможно было, — допускалось подраздѣленіе на отдѣленія съ самаго почти начала ея существованія. Очень можетъ быть, поэтому, что оно (хотя и не по количеству указанному отдѣленій) допускалось и послѣ, въ силу тѣхъ или другихъ потребностей и нуждъ, и могло стать въ концѣ концовъ необходимымъ условіемъ правильнаго устройства академіи и успѣшности ея работъ. И дѣйствительно — въ Перестрогѣ и Палинодіи мы находимъ намеки на то, что составъ Острожской академіи слагался по крайней мѣрѣ изъ трехъ отдѣленій: одно составляли — (по Перестрогѣ) «учители», или (по Палинодіи) «опытные православные евангельскіе и апостольскіе учителя»; другое — (по Перестрогѣ) «строители церкви Божіей», или (по Палинодіи) «истинные богословы», а третье — ученые представители свѣтскихъ наукъ (Палинодія). А такъ какъ указаніе на три отдѣленія въ Острожской академіи встрѣчается въ упомянутыхъ свидѣтельствахъ въ прямомъ повѣствованіи объ академіи, безъ отношенія этого раздѣленія къ извѣстному случаю или обстоятельству, вызвавшему оное; то, вѣроятно, подраздѣленіе академіи на отдѣ-

ленія было примѣненіемъ устава академіи, который, къ сожалѣнію, не сохранился до нашего времени.

Итакъ, сводя все сказанное, — на основаніи указанныхъ письменныхъ памятникахъ того времени, — объ организаціи Острожской академіи, мы приходимъ къ слѣдующему весьма вѣроятному предположенію по сему предмету:

- 1) что академія состояла изъ нѣсколькихъ (по крайней мѣрѣ изъ трехъ) отдѣленій, имѣвшихъ особый кругъ своихъ обязанностей и занятій;
- 2) что каждое отдѣленіе академіи въ своихъ занятіяхъ и работахъ давало отчетъ общему совѣту академіи, голосъ котораго имѣлъ для нихъ безусловно-рѣшающее значеніе, — и
- 3) что во главѣ ученаго Острожскаго общества или академіи стоялъ самъ князь Острожскій, принимавшій самое близкое и непосредственное участіе въ разсужденіяхъ и рѣшеніяхъ общаго совѣта, и наблюдавшій, чтобы — какъ рѣшенія общаго совѣта, такъ и занятія отдѣленій академіи направлялись исключительно лишь къ пользѣ и процвѣтанію православной вѣры.

Болѣе прямой и положительный отвѣтъ можно дать на второй вопросъ — вопросъ о духѣ и направленіи Острожской академіи.

Изъ разсмотрѣнія трудовъ и работъ Острожской академіи, сохранившихся до нашего времени; изъ сопоставленія и сличенія этихъ трудовъ съ бывшими до нихъ однохарактерными трудами; наконецъ, изъ разсмотрѣнія научныхъ приемовъ, практиковавшихся здѣсь — нельзя не усмотрѣть совершенно-новаго, не бывшаго доселѣ, направленія въ дѣятельности академіи, посвященной интересамъ религіи и церкви, — безъ малѣйшаго ущерба для этихъ интересовъ. Новизна направленія выражается здѣсь въ болѣе свободномъ, сравнительно съ прежнимъ, отношеніи къ вопросамъ вѣры и церкви, затрогивавшимся, — въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ обстоятельствъ, — въ академіи. Здѣсь мы невидимъ слѣдаго

поклоненія всему унаслѣдованному отъ предковъ въ области религіозныхъ и церковныхъ писаній потому только, что оно достояніе предковъ, — какъ это водилось прежде и даже въ то время въ академіи; — но поклоненіе разумное, съ необходимой предварительной проверкой того, чему нужно поклоняться. Самымъ лучшимъ образомъ выразилось это новое направленіе Острожской академіи и характеръ ея научныхъ приѣмовъ въ предварительныхъ работахъ по изданію острожской бібліи, принесенныхъ изъ разныхъ странъ и написанныхъ на различныхъ языкахъ; сопоставляются эти списки одинъ съ другимъ и, при помощи сопоставленія, исправляются неточности и ошибки, внесенныя въ славянскую біблію вѣками; свободно и безбоязненно замѣняются древнія и неупотребительныя слова и выраженія новѣйшими и употребительнѣйшими; очищается смыслъ писанія отъ неясности и темноты и пр. очевидно, что до тѣхъ поръ не было еще подобнаго отношенія къ нашему св. кодексу, (1) потому что авторитетъ буквы, — укрѣпившійся временемъ и невѣжествомъ, — не позволялъ проявляться самымъ налымъ проблескамъ свободнаго отношенія къ этой буквѣ и тексту... Чѣмъ же обуславливалось новое направленіе Острожской академіи? — Ничѣмъ другимъ, намъ кажется, какъ вліяніемъ реформаціи, охватившей въ то время всю западную Русь, — которая въ это время и у себя дома, на западѣ Европы, породила множество новыхъ изданій лютеранскихъ и кальвинскихъ біблій, предварительно сличенныхъ и исправленныхъ. Нельзя считать свободнаго отношенія Острожской академіи къ тексту св. книгъ плодомъ какихъ либо другихъ благоприятныхъ условій, такъ сказать — условій домашнихъ. Родная,

(1) Правда, нѣчто подобное можно усматривать въ стремленіи архіепп. Геннадія (1485—1504 г.) — составить исправный кодексъ св. писанія, въ концѣ XV в.; но, при лучшемъ разсмотрѣніи той и другой работы, послѣдняя не должна быть даже сравниваема съ первой, — такъ она превосходитъ во всѣхъ отношеніяхъ первую...

южно-русская среда, не исключая и того, что было в ней лучшего, весьма еще далека была в своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, чтобы и подумать, а не то взяться за пересмотръ и нужное исправленіе священныхъ книгъ. Курбскій, — этотъ цвѣтъ южно-русскаго общества, — ученикъ лучшихъ представителей вѣка (Максима Грека и Артемія), заподозрившихъ авторитетъ преданій и буквы и старавшихся освободить русскій православный міръ отъ связывавшихъ его оковъ невѣжества и умственной закоснѣлости, — и тотъ даже в своихъ стремленіяхъ принести пользу православной западно-русской церкви не дошелъ до исправленія свящ. книгъ, — не смотря и на то, что неисправность ихъ была ему извѣстна; (1) — а ограничился лишь исправленіемъ святоотеческихъ писаній. Что же касается всей западно-русской массы, во главѣ съ своими руководителями — пастырями; то ея взгляды и традиціи отражаются, какъ въ зеркалѣ, частію въ свидѣтельствахъ о ней Курбскаго и Острожскаго, (2) а наилучше — въ тѣхъ «порицаніяхъ» и «недоброжелательствахъ» представителей массы, которыми они встрѣтили предварительныя работы Острожской академіи по изданію свящ. книгъ (3).

Но, поставляя направленіе Острожской академіи и ея научныя приемы въ зависимость отъ вліянія реформациі, мы, конечно, весьма далеки отъ мысли проводить эту зависимость слишкомъ далеко, — до тождества направленія и приемовъ Острожской академіи и — реформациі. Между тѣмъ и другимъ — громадная разность. Реформациа, — путемъ науки стремившаяся возстановить св. Писаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и первоначальную чистоту религіи и церкви, нарушенную, по ея взгляду, Римомъ и папою, — дѣлала это исключительно только при пособіи науки и

(1) Сказанія Курбскаго, т. 2, стр. 189; Описанія Румянцева, муз. стр. 216.

(2) Тамъ же стр. 162; Описан. Рум. муз. стр. 242; Акт. Зап. Росс. т. 4 № 45.

(3) Предисл. къ Ост. библ.

разума, отрѣшившись совѣтъ отъ авторитета церкви, — но неотрѣшившись отъ предвзятой мысли — во что бы то не стало унизить католичество и папу. Полная и безусловная свобода мысли въ области религіи; свободное отношеніе къ вѣрѣ и ея источникамъ, — безъ руководства церкви, — вотъ характеристическая особенность реформациіи. Но этимъ своимъ путемъ реформациа дошла до другой крайности, — до гораздо большаго искаженія вѣры, чѣмъ это сдѣлалъ Римъ.

Совершенно иное мы видимъ въ стремленіяхъ и дѣятельности Острожской академіи. Воспользовавшись главнымъ приемомъ реформациіи, т. е. приемомъ свободного, разумнаго отношенія къ дѣлу въ области вѣры и церкви, Острожская академіа пользуется этимъ приемомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ цѣлой вселенской церкви, которая одна только, будучи сама свободною отъ недостатковъ, способна удержатъ отъ крайностей всѣхъ руководствующихся ею. Съ самаго начала учрежденія Острожской академіи и открытія ея ученыхъ занятій здѣсь дѣйствуютъ, въ качествѣ членовъ этой академіи, лучшіе представители восточныхъ патріарховъ, неоставлявшихъ при этомъ своимъ руководствомъ какъ своихъ представителей, дѣйствовавшихъ въ Острожской академіи, такъ и учредителя ея — князя Острожскаго, — въ отношеніяхъ и столкновеніяхъ ихъ съ реформацией; (1) — а это, безспорно, было вѣрнымъ ручательствомъ за сохраненіе академіей мѣры въ пользованіи приемами, позаимствованными отъ реформациіи, которую требовали соблюдать интересы православной вѣры и церкви, и предохраненіемъ отъ крайностей и односторонностей, къ которымъ легко можно было прійти, выйдя изъ должныхъ границъ пользованія новыми

(1) Въ одномъ своемъ письмѣ къ князю Острожскому и къ его ученымъ друзьямъ патр. Мелетій пишетъ между прочимъ такъ: «молю васъ не произволяти всяко новому змышленію лютровъ, иже обуревають отеческое вѣры и преданій богоданную красоту». (Мелетій Пигасъ т. II стр. 28).

приемами—приемами личного, безусловно-свободного отношения къ вопросам вѣры,—какъ доказала это реформация. Благодаря то такой постановкѣ дѣла, академію и ея труды оживлялъ строго-православный духъ, чего не могли не замѣтить и не дѣлать на нее нападеній многочисленные ея враги. Съ другой стороны,—благодаря такой постановкѣ дѣла,—здѣсь не было мѣста и всякимъ предвзятымъ мыслямъ и натяжкамъ: характеризовавшимъ научныя работы реформациі въ области религіи и церкви. Прямое, умѣренно-свободное отношеніе къ затрогиваемымъ вопросамъ, контролируемое церковью, приводило къ правильному рѣшенію этихъ вопросовъ и давало возможность, и безъ намѣренныхъ предубѣжденій, видѣть, ложное рѣшеніе ихъ какъ въ католической церкви, такъ —равно и въ протестантской.

Въ доказательство умѣреннаго лишь заимствованія и пользованія Острожскою академіей приемами реформациі можно, наконецъ, указать еще и на слѣдующія два обстоятельства: что, во 1-хъ, и самая реформация съ ея религіозными и церковными «новоизмышленіями»,—якобы возстановляющими религію и церковь, низвергнутыя папствомъ,—была предметомъ критическаго отношенія къ ней Острожской академіи, въ ея ученыхъ трудахъ, и что, во 2-хъ,—несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже три вѣка и наука сдѣлала громадныя успѣхи на пути своего развитія,—она, при самомъ строгомъ отношеніи къ извѣстнымъ литературнымъ трудамъ Острожской академіи, не нашла въ нихъ ничего такого, что дало бы поводъ упрекать ее въ чрезыѣрномъ увлеченіи и подчиненіи реформациі, въ ущербъ интересамъ православія. Конечно, ни того, ни другаго нельзя было бы ожидать, если бы Острожской академіи не оживлялъ строго-православный духъ, какой оживлялъ и ея учредителя, князя Острожскаго,—духъ, впрочемъ, нерабскаго поклоненія буквѣ, какимъ характеризовалось доселѣ русское православное общество; но духъ—умѣренной свободы, который съ тѣхъ поръ сталъ (и до сихъ поръ

держится) необходимымъ условіемъ русской церковной жизни...

Вотъ это-то общество ученыхъ людей, составленное въ Острогѣ умѣлымъ стараніемъ князя Острожскаго, — удержавшее строго-православный духъ и усвоившее новое, весьма полезное, направление, — является помощникомъ князю въ его дѣятельности, посвященной интересамъ православія, и въ борьбѣ съ врагами, которые съ наглымъ упорствомъ дѣйствовали въ ущербъ этимъ интересамъ.

(Окончаніе *спреди*).

Р Ъ Ч Ъ

при погребеніи заштатнаго Священника
Іоанна Буйницкаго (1).

*Богъ исть мертвыхъ, но живыхъ:
 вси бо Тому живы суть* (Лук. XX, 38).

Въ сихъ словахъ Св. Писанія заключается весьма утѣшительная истина для насъ, О.о. и братіе, собравшіеся въ сей св. храмъ помолиться о новопреставленномъ нашемъ братѣ, Священноіерей Іоаниѣ, и воздать ему послѣднее цѣлованіе.

Для людей живущихъ смерть вообще страшна и поразительна, потому что она, по видимому, прекращаетъ жизнь. И сей гробъ поражаетъ насъ тѣмъ, что всѣми уважаемый Священноіерей, служившій для насъ примѣромъ строго-воздержной, благочестивой и богоугодной жизни, соединенной съ непрестанною и усердною молитвою, вдругъ сталъ недвижимъ, какъ бы пересталъ жить.

Но здѣсь то и нужно повторить ту непреложную истину, что *Богъ исть мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живы суть*; что всякій рожденный и живущій человекъ

(1) Сказана, 1881 года 3 августа, въ Старо-Алексинской церкви, Кременецкаго уѣзда, Священникомъ Лукою Жирицкимъ.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Сентября № 27 1881 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.).

(О к о н ч а н і е).

Чтобы судить о великости и важности дѣятельности Острожской академіи въ помянутомъ направленіи, намъ необходимо, прежде изображенія дѣятельности академіи въ пользу православія, знать—кто были эти враги православія и насколько они были сильны и способны производить пагубное вліяніе на оное.

Враги эти были—католики, во главѣ съ іезуитами, протестанты, антитринитаріане или социніане и многія другія религіозныя секты и общества, появившіяся на территоріи Литвы и Волыни,—число которыхъ, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ историковъ, доходило до семидесяти (1).

Мы не будемъ останавливаться подробно на изображеніи зловерной дѣятельности первыхъ, потому что дѣятельность эта достаточно уже изслѣдована и получила надлежащую оцѣнку. Мы коснемся только отчасти той стороны дѣятельности католической пропаганды, которая

(1) Narbutt. Dzieje narod. Litowsk. t. IX. fol. 428.

имѣетъ отношеніе къ нашему вопросу, которая можетъ уяснить намъ значеніе дѣятельности Острожской академіи,—именно—католической пропаганды путемъ литературнымъ.

Католическая пропаганда путемъ литературнымъ замѣтнымъ образомъ началась въ первой четверти XVI в., —хотя, впрочемъ, не въ такой рѣшительной формѣ, въ какую успѣла облечься она во второй половинѣ XVI в., подъ предводительствомъ іезуитовъ. Начинается она распространеніемъ въ средѣ западно-русскаго православнаго народа печатныхъ изданій католическихъ библій. Нѣкто Скорина, докторъ, католикъ изъ Полоцка, переводитъ на западно-русскій языкъ польскую библію (вульгату) и издаетъ ее въ Чешской Прагѣ, въ 1517—19 г.г. (1). Въ 1525 году тотъ же Скорина издаетъ въ Вильнѣ «Апостолъ» и «Подорожную Книжицу» (сборникъ, заключающій въ себѣ—псалтирь, часословъ, акаѣистникъ, шестодневъ, пасхалию, и святцы) (2). Какъ переводы и изданія католика, книги эти распространялись въ интересахъ, конечно, католичества. Съ другой стороны, —какъ изданія не специалиста и не знатока дѣла,—книги эти не чужды были громадныхъ недостатковъ и ошибокъ: бывшіе въ рукахъ Скорины оригиналы вульгаты, по свидѣтельству Курбскаго, принадлежали къ разряду самыхъ неисправныхъ. Тѣмъ не менѣе, —не смотря и на эти недостатки и односторонности, какъ изданія католика и въ интересахъ католичества,—книги Скорины находились въ повсемѣстномъ пользованіи православныхъ и даже православныхъ священниковъ, (3) и потому, —весьма вѣроятно, —ихъ нечуждались и при церковномъ употребленіи.

(1) Собр. соч. М. Максимовича т. I стр. 184.

(2) Сахаровъ. Обзоръ славяно-русск. бібліогр. Мѣ 10. 13. 14.

(3) Археограф. Сб. т. VI № 5.—Одинъ священникъ Ивленской Юрьевской церкви, въ своемъ духовномъ завѣщаніи (1522 г.) назначилъ воскресенскому иону, Феодору, «выбойную» (печатную) книгу Царствъ. Это, конечно, была книга Скорины.

Съ появленіемъ въ Польшѣ (1664 г.) и въ Литвѣ (1569 г.) іезуитовъ и съ переходомъ въ ихъ руки цензуры книгъ, католическая пропаганда путемъ литературнымъ получила болѣе широкое и правильное развитіе: съ тѣхъ поръ мы уже видимъ цѣлый перечень книгъ латинскаго богословствованія, направленныхъ противъ православія. Такъ въ 1577 году извѣстный іезуитъ, Петръ Скарга, издалъ свой ученый трактатъ «*O jedności kościoła Bożego*» т. е. направленный исключительно противъ православія, въ которомъ, прибѣгая къ наглой лжи и обману, онъ старался унижить восточную церковь и возвысить римскую. А чтобы эта его книга, вредная для православія, не успѣла расхотѣлась по рукамъ православнымъ, Скарга посвятилъ ее имени князя Острожскаго, весьма извѣстному православному (1). Далѣе, по инициативѣ іезуита Поссевина, посѣтившаго въ 1581 г. Русь, онъ въ качествѣ папскаго легата, и совѣтовавшаго издавать на русскомъ языкѣ нѣкоторыя книги, какъ-то: подложныя сочиненія Геннадія Схоларія, въ которыхъ содержатся доводы *de primatu pontificis maximi*, катехизисъ Петра Канизіа и др. (2), — появились въ средѣ православныхъ слѣдующія книги латинскаго богословствованія. Въ 1581 году — изданное въ Вильнѣ первое извлеченіе изъ подложныхъ сочиненій Схоларія — о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына (3). Въ 1582 году, — изданный на русскомъ языкѣ въ римѣ, катехизисъ или богословіе Петра Канизіа (4) и сочиненіе — о религиозныхъ заблужденіяхъ грековъ и русскяхъ и о причинахъ, по которымъ греція отдѣлилась отъ римской церкви (5) скаго изданія, потому что другаго «выбѣжнаго» изданія тогда еще не было.

(1) Матер. для истор. зап. русс. церкви Ст. Т. Голубева стр. 165—149 и дал.

(2) *Suppl. ad. hist. Russ. mon. pag. 39.*

(3) Истор. гелльет. испов. въ Литвѣ чт. истор. и древ. 1847. № 8 стр. 29.

(4) Истор. русс. церкв. Преосвящ. Макарія т. IX стр. 421.

(5) Истор. гелльв. испов. тамъ-же.

Въ 1586 году, — изданное іезуитомъ Іоанномъ Гербес-
томъ, — проповѣдникомъ слова Божія въ Россіи, по
словамъ Поссевина, (1) — сочиненіе — «выводы вѣры ко-
стела римскаго и исторія греческой неволи до уніи», — и
подложное сочиненіе, изданное Станиславомъ Радзивил-
ломъ, — «исторія флорентійскаго собора» (2). Въ 1590
году, наконецъ, второе изданіе Скаргиной книги, вновь
исправленное и старательно дополненное новою ложью (3).
Но не отставали также отъ составителей и распро-
странителей зловредныхъ для православія книгъ и пред-
ставители цензуры, уполномоченные буллою папы, Гри-
горія XIII. Цензоры эти, — по мимо того, что разграбляли
библіотеки и жгли всѣ, забираемыя у разныхъ инновѣр-
цевъ, книги, (4) или же запрятывали ихъ въ погреба,
(5) — измыслили еще и болѣе недобросовѣстное и лука-
вое средство. Они, по совѣту Поссевина, стали передѣ-
лывать на латинскій ладъ православныя церковно-бogo-
служебныя книги — псалтирь, часословъ, евангеліе, —
вносить въ нѣкоторыя книги, напр. въ слова отцевъ и
учителей церкви латинскія мнѣнія, — вновь исправлять
библію по тексту вульгаты, — въ четь-минехъ — новыя жи-
тія, которыя бы могли нечувствительно располагать пра-
вославныхъ къ латинству, — наконецъ, стали исключать
изъ хроникъ и житія святыхъ все, что относилось къ
невыгодѣ латинства. И эти, намѣренно-искаженныя като-
лическими цензорами православныя книги, безвозмездно
раздавались православному народу, православному ду-
ховенству и въ православныя храмы, (6) и, конечно, за
неимѣніемъ другихъ, должны были употребляться право-
славными, — ко вреду православію.

(1) Snppl. ad. hist. russ. mon. ibid.

(2) Истор. русс. церкви Пр. Макарія т. IX стр. 422.

(3) Тамъ же.

(4) Jaroszewicz. Obraz Litwy t. III fol. 91.

(5) Перестрога въ Акт. Зап. Росс. т. 4 стр. 204.

(6) Лкловъ. О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ зап. Росс.
стр. 128—9 и др.

Рядомъ съ католической литературной пропагандой въ Литвѣ и на Волынѣ развивалась также литературная пропаганда и протестантская.

Прочно утвердившись здѣсь, заведши школы и учредивши типографіи, (1) протестанты, въ видахъ болѣе успѣшной пропаганды своего ученія въ средѣ православныхъ, — спѣшили распространять повсюду и издаваемыя ими «хранилища вѣры», — вмѣстѣ съ другими сочиненіями, написанными въ популярной формѣ, въ которыхъ, приравливаясь къ духу и направленію своего исповѣданія, старались убѣдить православныхъ слѣдовать ихъ ученію.

Изъ числа такихъ книгъ, — весьма вредныхъ и опасныхъ для православія, — вышедшихъ изъ лагера протестантовъ, извѣстны слѣдующія:

«Кальвинскій катехизисъ» или «наука стародавняя христіанская, отъ святаго писма для простыхъ людей языка Русскаго» (Несвижъ. 1562 г.) (2). Это — трудъ извѣстныхъ трехъ отступниковъ отъ православія — Симеона Буднаго, Матвея Кавечинскаго и Лаврентія Кришковскаго, предпринятый ими съ цѣлью «вербованья дѣтокъ языка русскаго», или, какъ говоритъ патр. Адріанъ въ предисловіи къ «Православному Исповѣданію» Могилы, «для распространенія своихъ заблужденій путемъ распространенія на попятномъ православномъ (славянскомъ) языкѣ доводовъ лживыхъ своихъ догматовъ». Но, будучи такимъ по содержанію и предназначаясь для такой цѣли, катехизисъ Буднаго и его товарищей долженъ былъ, по необходимости, имѣть и однохарактерный съ нимъ источникъ, на которомъ бы могли обосновываться содержащіеся въ немъ, религіозныя нововозмущенія и ложь. Отсюда, и само собою, понятно, что авторы катехизиса, въ своихъ интересахъ, должны были предъ изъ-

(1) Школы протестантовъ были въ Кейданахъ, Слуцкѣ, Несвижѣ, Новогрудкѣ (Obr. Litw. t. III f. 80) и, кажется, въ м. Олыкѣ дуб. уѣзда. Типографіи — въ Несвижѣ, Брестѣ-Литовскѣ и др. (видно изъ помѣтъ на прот. изданіяхъ).

(2) Археографич. Сборн. т. VII. Предисловіе.

даніемъ его — или войти въ сдѣлку съ извѣстными переписчиками, по дѣлу тайной порчи священныхъ книгъ, или — сдѣлать это самолично, чтобы имѣть поводъ въ катехизисѣ же сказать, что (въ русскихъ писаніяхъ) «сатана затмилъ слово святое». Въ томъ же году издана была въ Несвижѣ, и другая протестантская книга — объ оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ. (1) — Въ 1563 году изданъ былъ въ Брестѣ Литовскѣ, иждивеніемъ Николая Радзивилла Чернаго, польскій переводъ чешской (1555 г.) библіи. (2) — Въ 1570 году — «полная кальвинская библія», переведенная Буднымъ на польскій языкъ — съ еврейскаго, греческаго и латинскаго. Недобросовѣстность и односторонность отношеній Буднаго къ этому дѣлу стоятъ въ всякихъ сомнѣніяхъ: интересы кальвинскаго исповѣданія, при изданіи библіи, не могли не стоять у него на первомъ мѣстѣ. Чтобы оправдать съ точки зрѣнія библіи многое изъ кальвинскаго ученія, несогласовавшееся съ первоисточникомъ религіи, — которое было популяризуемо ими чрезъ распространеніе кальвинскихъ катехизисовъ, — являлась настоятельная нужда весьма многое въ библии — измѣнить, переименовать, слѣдовательно, допустить «искаженія». Тѣмъ не менѣе, не смотря ни на этотъ существенный недостатокъ кальвинской библіи, она имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Недостатокъ православныхъ библій, — которыя тогда не распространялись еще печатнымъ способомъ, — то удобство въ употребленіи и преимущество въ пользованіи его, которое заключалось въ печатномъ способѣ распространенія на языкѣ польскомъ, сдѣлавшемся понятнымъ для западно-русскаго народа, — покровительство ей и кальвинскому вѣроученію многихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, — наконецъ, печальное положеніе и состояніе православной западно-русской іерархіи, обусловливающее главнымъ образомъ давленіемъ и строгой зависимоію отъ иновѣрной администраціи и патроновъ, — все

(1) Энцикл. Слов. т. 7 стр. 251: «и атѣкон ави онѣно» (одна) .од и

(2) Соч. М. Максимовича т. I стр. 185. «и фаврѣохѣА (S)

это было причиною тому, что кальвинскую библию стали на расхватывать, приобрѣтать для пользованія не только кальвинисты, но и католики и православные; такъ что, спустя 100 лѣтъ послѣ перваго ея изданія, оно должно было повториться. — Наконецъ, въ 1584 году — вышелъ отдѣльно, въ Несвижѣ, новый заветъ, выдержавшій также въ короткое время три изданія (1).

Въѣстъ въ протестантство, или реформаціей, проникло въ Литву и на Волынь и антиринитаріанство или социніанство и другія ереси — запада и востока, и, подъ вліяніемъ благоприятныхъ условій (2), начали дѣлать здѣсь большіе успѣхи. Одинъ современникъ, папскій нунцій въ Польшѣ, Юлій Руггіерій, свидѣтельствуешь (1568 г.), что въ его время здѣсь находились всѣ ереси и всѣ секты здѣсь нашли себѣ притонъ. Пропагандисты ересей, — продолжаетъ онъ, — проповѣдуютъ и склоняютъ народъ во всѣ ереси, вновь ли измышленныя, или же обновленныя изъ старыхъ. Тѣ, которые за свои новоизмышленія были изгнаны изъ различныхъ странъ, находили здѣсь для себя охрану, какъ въ послѣднемъ безопасномъ пристанищѣ. (3). Но изъ нихъ наиболѣе значительные успѣхи сдѣлало антиринитаріанство или социніанство. Появившись впервые на территоріи польско-литовскаго королевства въ Пинчовѣ, социніанство затѣмъ перенесло свою резиденцію въ м. Раковъ (4) и, наконецъ, охватило, какъ «неисцѣльная зараза», всю Волынь (5). Ихъ яловкіе и умѣлые проповѣдники (Гонезій, Станкарь, Григорій Паули, Петръ Стоинскій, братья Мордовскіе и др.) начали проникать въ дома вліятельныхъ западно руссовъ, съ цѣлью переманить ихъ на сторону проповѣдуемыхъ ими новыхъ религіозныхъ доктринъ и

(1) Энцикл. Слов. т. 7 стр. 251.
 (2) Relacye apost. nuncyusz. o Polsce t. I f. 187—188; Акт. Эксп. т. II стр. 143.
 (3) Ibidem. 186.
 (4) Sandius. Bibliotheca Antitrinitariorum. pag. 45—5.
 (5) Сказ. Курбск. т. II стр. 224.

подъ защитою такихъ людей дѣйствовать съ большею для себя пользою. Нетвердость въ вѣрѣ западно-русскихъ магнатовъ и доставила социніанскимъ проповѣдникамъ возможность оправдать свои расчеты и ожиданія. Успѣшно нашлись послѣдователи социніанскаго ученія въ лицѣ богатыхъ и вліятельныхъ людей, въ родѣ волынскаго пана, Яна Кишки, (1) которые покровительствовали и способствовали развитію социніанской пропаганды. Не жалѣя средствъ, они собирали около себя опытныхъ учителей; основывали при своихъ дворахъ социніанскія общины; заводили школы и учреждали типографіи (2). Прочно же утвердившись при дворахъ вліятельныхъ вельможъ, социніанскіе проповѣдники стали, по примѣру католическихъ и протестантскихъ, вести пропаганду и литературнымъ способомъ. Заботясь о скорѣйшемъ и лучшемъ привитіи своихъ новоизмышлений въ средѣ западно-русскаго народа, они стали составлять свои символы вѣры, катехизисы и пр. и, путемъ печати, распространять ихъ повсюду. Такъ—въ 1551 году, нѣкто Станкаръ, изгнанный за ересь изъ Краковской академіи, издалъ сочиненіе о св. Троицѣ, не согласное съ св. Писаніемъ, которое онъ распространялъ въ помѣстьяхъ магнатовъ (3). Въ 1563 году—ученый представитель социніанства, Григорій Паули, отвергавшій древніе церковные символы, издалъ, въ Пичовѣ (въ Люблинскомъ воеводствѣ), свой новый символъ, представленный имъ въ формѣ свода текстовъ св. Писанія, вполне выражающихъ будто бы социніанское ученіе о св. Троицѣ. Въ 1568 г., тѣмъ же авторомъ издано второе, болѣе точное

(1) *Histoire religieuse des peuples Slaves*, par Comte Krasinski p. 153.

(2) Особенно извѣстностью пользовались социніанскія школы на Волни—въ м. Берестечкѣ (дубенскаго уѣзда) и въ м. Кислинѣ (владиміровольнскаго уѣзда); а типографіи—въ Лозкахъ, Лукловицахъ, Любчѣ, Заславѣ и Раковѣ. (*Relacye apostol. nunc. o Polsce* t. II. fol. 140).

(3) Ossolinsky. *Wiadomosc. historyczne krytyczne*, Stankar, (5)

и обстоятельное, исповѣданіе, которое, по мнѣнію автора, могло быть названо «совершеннымъ исповѣданіемъ». Здѣсь съ точки зрѣнія соцініанской говорится; въ первой части—о Богѣ Отцѣ, во второй—о Богѣ Сынѣ, а въ третьей—о Св. Духѣ (1). Въ 1574 году появилось новое соцініанское сочиненіе «Катехизисъ и Исповѣданіе вѣры», принадлежащее тому же Паули и, другому ученому представителю соцініанства, Шоману. Этотъ «Катехизисъ и Исповѣданіе вѣры» изложены въ формѣ свода текстовъ св. Писанія, толкуемыхъ или выставляемыхъ въ смыслѣ соцініанскаго ученія; о крещеніи напр. говорится, что оно нужно только для взрослыхъ и пр. (2). Вотъ эти то, и подобныя имъ, сочиненія соцініанъ съ успѣхомъ были распространяемы въ средѣ западно-русскаго народа и увлекали его въ соцініанство.

Успѣху быстрого развитія въ Литвѣ и на Волыни соцініанства способствовало, впрочемъ, и еще одно обстоятельство,—это—прибытіе сюда московскихъ еретиковъ, во главѣ съ Ѳеодосіемъ Косымъ и Игнатіемъ, заблужденія которыхъ сходились съ соцініанскими новозмысленіями (3). Поселившись при дворѣ одного богатаго пана, на Волыни, Чаплія (4), они съ такимъ успѣхомъ продолжали распространеніе здѣсь соцініанства, что, по замѣчанію отенскаго епископа Зиповія, слава «развращенія» Литвы принадлежитъ исключительно имъ.

Вотъ кто были враги православія, и какъ они были сильны и опасны для православія.

Съ этими то врагами православія вступаетъ въ борьбу Острожская академія. И такъ какъ враждебное, пагубное вліяніе на православіе этихъ враговъ производилось двоякимъ образомъ—а) посредствомъ порчи священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, распростра-

(1) Sandius. Biblioth. Antitrinit. p. 45; Jocher—t. II. № 3344.

(2) Ibid. p. 47; Jocher—№ 3316.

(3) Акт. Историческ. т. I стр. 297; Акт. Эсеп. т. I стр. 250; Лукаш. Чт. общ.—Истор. и древн. 1847 г. № 8 стр. 2.

(4) Сказ. Курб. т. 2 стр. 186.

няемыхъ въ средѣ православнаго народа, и б) посредствомъ специальныхъ сочиненій, исполненныхъ наглою лжи и обмана по отношенію къ православію,—которыя обосновывались на первыхъ; то и Острожская академія ведетъ борьбу съ ними двоякимъ способомъ: во 1-хъ, посредствомъ исправленія и распространенія священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ въ средѣ православныхъ и, во 2-хъ, посредствомъ составленія и перевода съ греческаго языка полезныхъ книгъ, могущихъ служить достаточнымъ опроверженіемъ наглою лжи, взводимой на православіе врагами его, въ распространяемыхъ повсюду ими сочиненіяхъ.

Ведя борьбу съ врагами и сѣлясь побѣдить ихъ первымъ способомъ, Острожская академія пересматриваетъ, исправляетъ и издаетъ,—при пособіи своего покровителя, князя Острожскаго, слѣдующихъ тринадцать названій нужнѣйшихъ и необходимѣйшихъ, въ церковно-богослужебномъ и частномъ употребленіи книгъ: въ 1580 году—«новый завѣтъ съ псалтирю» (1) и полную славянскую библію; (2) въ 1581 году—ту же библію; (3) около 1584 г.—«о крестномъ знаменіи»; (4) въ 1597 г.—«Маргаритъ или собраніе поучительныхъ словъ Златоуста»; (5) въ 1597 г.—«Патерикъ или отечникъ Печерскій»; (6) въ 1598 г.—«Часословъ съ слѣдованною Псалтирю или правило истиннаго живота христіанскаго»; (7) въ 1602 г.—«Часословъ»; (8) въ 1604 г.—«Служебникъ» (въ Острогѣ) (9) и «Октоихъ» (въ Дермани); (10) въ 1606 г.—«Молитвословъ или Требникъ» (11) и «Требникъ»

(1) Собр. соч. М. Максимов. т. I стр. 185; Каратаевъ. Опис. старошеч. кн. т. I стр. 188.

(2) Собр. соч. Максим. т. I стр. 185 и Карат. т. I стр. 191.

(3) Тамъ-же и Карат. стр. 194.

(4) Каратаевъ стр. 209.

(5) Соч. Максим. стр. 186 и Карат. 247.

(6) Сопиковъ. Опытъ рос. библіограф. № 13039.

(7) Соч. Максим. стр. 188 и Карат. 265.

(8) Тамъ-же. (9) Тамъ-же. (10) Тамъ-же стр. 181.

(11) Тамъ-же стр. 188 и Сопиковъ № 670.

(1) и въ 1607 г. — «Лѣкарство на оспальный умысль
человѣчій». (2) Перечисленные книги духовно-назидательнаго и религіозно-нравственнаго характера, вышедшія изъ Острожской академіи были весьма цѣннымъ и полезнымъ приобрѣтеніемъ для православнаго народа въ ту смутную и тяжелую для него пору. Народъ этотъ доселѣ томился въ книжномъ невѣжествѣ, «испытывалъ состояніе самозабвенія и лежалъ простертъ въ піанствѣ»; (3) лучшіе народныя руководители не имѣютъ средствъ вывести его изъ этого томленія: въ ихъ рукахъ были или «болгарскія басни», (4) или же книги испорченныя не вѣждами — переписчиками и католическими цензорами — что можетъ быть печальнѣе такого положенія западно-русскаго православнаго народа!.. И вотъ, въ это то тяжелое время, Острожская академія, при пособіи князя Острожскаго, издаетъ такое обиліе полезныхъ книгъ, — въ которыхъ православный читатель могъ находить и уроки назиданія, и образцы для подражанія, и программу для своей дѣятельности и жизни, и, наконецъ, ту норму или рамку для своихъ взглядовъ и убѣжденій, вращаться и не выходить изъ которой есть долгъ истинно-православнаго христіанина. Но особенно важнымъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ для западно-русскаго православнаго народа была полная біблія. До сихъ поръ, угнѣтаемый врагами, народъ этотъ не имѣлъ еще подъ руками этого сокровища религіи и нравственности, вслѣдствіе чего сталъ, мало по малу, терять правильное понятіе о нѣкоторыхъ самыхъ существенныхъ истинахъ православнаго вѣроученія. (5) Очевидно, что дарованіе народу этого сокровища, какимъ была біблія, послужило крѣпкой поддержкой и освѣженіемъ ослабѣвавшаго религіозно-нравственнаго чувства западно-русскаго православнаго

(1) Сошниковъ № 1447. (2) Соч. Максимовича стр. 188.

(3) Сказан. Курбскаго т. II стр. 179.

(4) Опис. Румянц. Муз. стр. 242.

(5) Акт. Зап. Росс. т. 2 №№ 57 и 77; т. 3 № 29; т. 4 № 25 и 29; Hist. Russ. Mon. t. I. p. 127.

народа, и избавило его отъ тѣхъ упрековъ и насмѣшекъ со стороны образованныхъ враговъ православія, которыя, — скажемъ словами преосвященнаго Черниговскаго, Филарета, — были вызываемы всякимъ недостаткомъ образованности у православныхъ, — и тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ библіи. (1) Православный западно-русскій народъ встрѣтилъ, изданную подъ редакціей Острожской академіи, библію съ особенною любовію. Отдавая ей предпочтеніе предъ всѣми другими изданіями, онъ такъ спѣшилъ приобрѣтать ее для церковнаго и домашняго употребленія, что въ два года явилась нужда выпустить три отдѣльных изданія ея, а можетъ быть, какъ полагаютъ нѣкоторые, и больше...

Ведя борьбу съ врагами православія этимъ способомъ, Острожская академія неоставляла этихъ враговъ и на другомъ пунктѣ ихъ враждебныхъ и пагубныхъ дѣйствій. Издавъ, при пособіи князя Острожскаго, полную печатную библію, вновь исправленную и совершенную отъ недостатковъ, — выпустивъ въ свѣтъ множество сочиненій (преимущественно переводныхъ) религіозно-правсвеннаго содержанія для услажденія религіозно-правсвеннаго чувства народа, — снабдивъ, наконецъ, православный западно-русскій міръ достаточнымъ количествомъ церковно-богослужебныхъ книгъ — академія вмѣстѣ съ тѣмъ усердно занималась также и изданіемъ, — какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, — сочиненій въ опроверженіе всевозможныхъ новоизмышлений и нововведеній, пропагандируемыхъ врагами въ средѣ православныхъ. Но съ особеннымъ стараніемъ академія занималась изданіемъ книгъ, — въ опроверженіе новоизмышлений сильнѣйшихъ враговъ православія — іезуитовъ, — въ которыхъ она разсматривала и правильно разъясняла всѣ тѣ религіозные и каноническіе вопросы, которыя рѣшались ложно въ іезуитскихъ сочиненіяхъ. Такъ, — въ опроверженіе іезуитскаго сочиненія «о происхожденіи св. Духа»,

(1) Обзор. русе. дух. литер. стр. 285.

извлеченнаго, по совѣту Поссевина, (1) изъ подложнаго сочиненія патр. Геннадія Схоларія и изданнаго въ 1581 году,—Острожская академія издала въ 1583 году—подлинное сочиненіе Схоларія «Діалогъ», совершенно опровергающее іезуитское; (2) а въ 1588 году—«Исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа». (3) Противъ книги Скарги «O iednosci kościoła Bożego»;... исполненной наглою лжи противъ православной восточной церкви и разностей восточной и западной церквей, академія издала оригинальное, написанное въ строго-православномъ духѣ, сочиненіе, заключающее въ себѣ шесть главъ: а) о единой истинной православной вѣрѣ и о св. соборной апостольской церкви; б) объ исхожденіи св. Духа отъ единого Отца; в) о первенствѣ римскаго епископа; г) объ опрѣснокяхъ, о субботнемъ постѣ, о литургіи великаго поста, о безженствѣ священниковъ, о чистилищѣ; д) объ измѣненіи дней праздниковъ и самаго дня пасхи, вслѣдствіе новаго календаря и е) о святыхъ храмахъ и о почитаніи св. иконъ. (4) Въ опроверженіе книги іезуита Гербеста—«выводы вѣры римскаго костела».—издано академіей переводное сочиненіе патр. Мелетія «Ключъ царства Небеснаго», гдѣ съ достаточной полнотою и убѣдительною доказывается, что только восточная церковь, въ лицѣ своихъ столповъ—восточныхъ патріарховъ, есть хранительница апостольскаго преданія, а нововведенія Рима—отступленіе отъ преданія. (5) Въ опроверженіе книги Радзивилла—«аполлогія флорентійскаго собора».—издана академіей—«исторія о листрійскомъ соборѣ вкратцѣ, но справедливо написанная», гдѣ перечислены, между прочимъ, ученія всѣхъ отцевъ церкви объ исхожденіи св. Духа только отъ Отца,—перечисленіе весьма полезное въ то время,—время настойчиваго ученія іезуитовъ объ

(1) Suppl. ad. hist. Russ. mōn. pag. 39.

(2) Соч. М. Максимовича т. I стр. 176.

(3) Каратаевъ т. I стр. 220.

(4) Соч. Максн. т. I стр. 186; Каратаевъ т. I стр. 220.

(5) Мелетій Пигасъ. т. II прилож. II стр. 101—118.

исхожденіи св. Духа и отъ Сына. (1) Кроімъ перечисленныхъ сочиненій, направленныхъ противъ іезуитовъ, изданы были академіей противъ нихъ же и слѣдующія: въ 1583 году посланія патр. Іереміи II, предостерегающія православныхъ отъ принятія григоріанскаго календаря, — такъ какъ этотъ календарь есть новая схизма папы и отступленіе отъ вселенской церкви, — что самыя астрономическія вычисленія, положенныя въ основу этого календаря, далеко не точны, — наконецъ, что онъ (календарь) нарушаетъ постановленіе перваго вселенскаго собора, огражденное анафемою; (2) около 1587 года — «Календарь римскій новы»; (3) въ 1595 г. — «Письмо Острожскаго къ Православнымъ»; (4) въ 1598 г. — «Апокрисисъ»; (5) Отпись на листъ Поцѣя къ князю Острожскому», (6) и «Книжица», состоящая изъ 10 главъ, изъ которыхъ шесть главъ составляютъ посланія патр. Мелетія къ князю Острожскому и православнымъ, одна — его ученый трактатъ «О богопротивномъ Календарю», одна — сочиненіе Григорія епис. Солунскаго, — то самое, для похвалъ котораго Курбскій не находилъ словъ и выраженій, (7) и одна — посланіе, аѳонскихъ иноковъ къ князю Острожскому и ко всемъ православнымъ; (8) въ 1603 году — трактатъ патр. Мелетія, подъ заглавіемъ — «Диалогъ, альбо Розмова о православной и справедливой вѣрѣ единой католической Восточной церкви», гдѣ излагается сущность православнаго вѣроученія, обличеніе нѣкоторыхъ заблужденій римской церкви и

(1) При Апокрионсѣ изд. въ 1869 г. въ Кіевѣ стр. 369—400.

(2) Мелетій Пигасъ т. II Прил. III; Максим. т. I стр. 185; Кар. т. I стр. 206.

(3) Максим. т. I стр. 186; Каратаевъ I стр. 217.

(4) Каратаевъ стр. 246.

(5) Труды Кіевской дух. Академіи 1876 г. Генварь стр. 152 и Карат. стр. 263.

(6) Максим. I стр. 188; Карат. I стр. 269.

(7) Сказанія Курбск. т. 2 стр. 178.

(8) Макс. стр. 188; Карат. 268; Мелетій Пигасъ т. II прил. I.

похвала православію, (1) и въ 1605 году — Посланіе патр. Мелетія къ изыбнику Поцѣю (2).

Менѣе сравнительно полемизировала Острожская академія съ протестантами и другими сектантами: до насъ дошелъ только одинъ памятникъ этого рода полемики — статья пресвитера Василія «О храмахъ, иконахъ и почитаніи святыхъ». Чѣмъ же объяснить это? — Одно изъ двухъ надобно предположить: — или ихъ было больше, но они уничтожены безпощаднымъ временемъ и ненавистными врагами православныхъ — іезуитами, истреблявшими все, попадавшія имъ въ руки, книги, не латинскаго богословствованія; или же и въ самомъ дѣлѣ такихъ трудовъ мало вышло изъ Острожской академіи, вслѣдствіе меньшей ненависти православныхъ къ протестантамъ, которые, — подвергаясь подобной же участи со стороны іезуитовъ, т. е. постояннымъ преслѣдованіямъ, — были въ глазахъ православныхъ, — по свидѣтельству пресвитера Василія, — заступленіемъ вѣрѣ христіанъ (православныхъ) отъ зловѣрныхъ (іезуитовъ), которые за еретиками не могутъ ихъ приневоить въ зловѣріе свое. (3) Очень можетъ быть также, что на это имѣли нѣкоторое вліяніе и родственныя связи князя Острожскаго, покровителя академіи, къ протестантамъ (4). Но все таки вліяніе самое незначительное: смѣлый и основательный трактатъ пресвитера Василія говорить за это.

Для ясности представленія той пользы, которую могла приносить втораго рода литература Острожской академіи,

(1) Мелетій Пигасъ т. 2 прил. II стр. 49; Сопиковъ № 613.

(2) Максимовичъ т. I стр. 182.

(3) Дружественныя отношенія православныхъ и протестантовъ выразились также и въ двухъ ихъ конфедераціяхъ 1595 и 1599 г.г. (см. Ист. гелль. испов. Лукашевича стр. 38 и др.; Пам. русс. стар. въ зап. губ. в. 5 стр. 50).

(4) Дочь Острожскаго была въ замужествѣ за вліятельнымъ протестантомъ Криштофомъ Радзивилломъ, котораго князь весьма любилъ за покровительство православнымъ (см. Kotlubay. Galerea Nieswiezka portretów Radziwiłłowskich fol. 87 и Лукашевичъ т. I стр. 74).

т. е. направленная противъ іезуитовъ, протестантовъ и другихъ сектантовъ, (1) мы считаемъ необходимымъ изложить болѣе подробно содержаніе нѣкоторыхъ образцовъ оной,—и для этого избираемъ—2 и 4 гл. «Книжицы», «Посланіе патр. Мелетія къ Поцѣю» и 6 гл. сочиненія пресвитера Василія «о святыхъ храмахъ и о почитаніи св. иконъ»,—какъ сочиненія менѣе извѣстныя и менѣе распространенныя въ настоящее время.

Въ началѣ перваго сочиненія (2 гл. Книжицы) патр. Мелетій напоминаетъ бѣдствующимъ западно-руссамъ ту обыкновенную и несомнѣнную истину, что настоящая жизнь переполнена бѣдъ и несчастій, съ которыми, по необходимости, встрѣчается человѣкъ на каждомъ шагу жизни. Но такая неприглядность настоящей жизни не должна смущать истиннаго христіанина. Слово Божіе даетъ ему необходимое разъясненіе этого обыкновеннаго явленія; оно сообщаетъ человѣку, что «это очищающій огонь, посылаемый Промысломъ Божиимъ». Неслѣдуетъ, поэтому, страшиться обыденныхъ превратностей и ослабѣвать въ вѣрѣ, или же дѣлать нѣкоторыя отступленія, обѣщающія нѣкоторое облегченіе тяжестей здѣшней жизни. Евангеліе,—этотъ первоисточникъ истинной религіи,—содержитъ въ себѣ не простыя слова человѣческой мудрости, но—слова св. Духа. Оно то, между прочимъ, проповѣдуетъ намъ и ту истину, что Христосъ есть камень, Который, по Апостолу, есть глава церкви. Проповѣдуемую въ такой формѣ, эту истину усвоили и сохранили въ своихъ писаніяхъ и преданіяхъ и всѣ отцы церкви. Поэтому, и истинно-православные западно-русссы должны неуклонно слѣдовать ученію этихъ отцевъ, что-бы «съ ними купно ликъ одинъ сотворше и купно съ ними

(1) Что сочиненіе пресвитера Василія «о храмѣ и иконахъ» есть полемическій трактатъ и противъ соцініанъ и московскихъ еретиковъ и др. нѣк. сектантовъ, можно судить потому, что всѣ эти еретики и сектанты во взглядѣ «на церковь и иконы» сходились съ протестантами (см. Акт. Истор. т. I стр. 297; Акт. Экспед. т. I стр. 250 и Лукашевичъ стр. 2).

(отца) ополчающесе всяко нападеніе противныхъ отразить, чтобы не произволять всяко новымъ измышлениямъ папистовъ, которые уже сдѣлали отступленіе въ употребленіи символа вѣры, сложеннаго св. отцами и переданнаго, для храненія въ цѣлости и неизмѣнности, на всѣ времена.

Въ началѣ втораго сочиненія (4 гл. Книжицы) дѣлается разъясненіе патріархомъ истиннаго смысла и значенія измѣны православію нѣкоторыхъ епископовъ. Этотъ поступокъ, по патріарху, есть одинъ изъ признаковъ антихристова пришествія, предсказанный Спасомъ. Онъ сказалъ нѣкогда: звѣзды спадутъ съ неба и это небо, по пророку и апостолу, есть церковь; такъ что подъ паденіемъ звѣздъ съ неба нужно разумѣть именно, совершившееся уже, отпаденіе нѣкоторыхъ епископовъ отъ церкви, — оставленіе ими тѣснаго и прискорбнаго пути, вводящаго въ животъ вѣчный, чтобы идти широкимъ, вводящимъ въ пагубу. Ставится, затѣмъ, въ связь и сопоставляется равнодушное отношеніе православнаго западно-русскаго народа съ худымъ примѣромъ епископовъ, — съ самими ихъ поступками. Тогда какъ епископы, за свою нестойкость и измѣну православію, уподобились вѣтромъ колеблемой трости; православные, по словамъ патріарха, суть насажденіе св. Духа, зданіе и дѣланіе Христово, утвердившееся на единственно-прочномъ фундаментѣ — Христѣ. Показавъ важное значеніе стойкости въ вѣрѣ западно-русскаго православнаго народа, патріархъ, далѣе, обращаетъ рѣчь свою къ отступникамъ — епископамъ, въ которой доказываетъ ложность нѣкоторыхъ римскихъ догматовъ и измышлений, принятыхъ ими. Съ прискорбнымъ недоумѣніемъ задаетъ патріархъ имъ вопросъ — зачѣмъ они оторвались отъ восточной церкви? — Не ужели потому, что она лишилась земнаго господства? — Но, вѣдь, царство ея не отъ міра сего; Самъ Основатель ея, Иисусъ Христосъ, то же не властвовалъ въ сей земной жизни, но былъ бѣденъ. Римскій же папа, къ которому они перешли, присвоившій

одному себѣ господство и главенство надъ всею церковью, есть явный отступникъ и извратитель истиннаго смысла Слова Божія. Присвоеніемъ себѣ главенства онъ ущемляетъ власть и господство надъ церковью Сына Божія, Который одинъ только есть глава церкви. Если бы папа считалъ себя главою только римской церкви, то на это онъ бы имѣлъ еще право, какъ и каждый епископъ въ своей церкви, въ силу 34 пр. св. апостолъ, подтвержденнаго затѣмъ 9 пр. антиохійскаго собора; но — не надъ всею церковью, потому что противъ этого говорятъ всѣ тѣ мѣста св. Писанія и отеческихъ твореній, на которыя опираются папы въ своихъ притязаніяхъ на всемірное господство. Показавъ, такимъ образомъ, шаткость и недостаточность обоснованія пап. св. Писаніи папскихъ притязаній на главенство въ церкви, патріархъ затѣмъ, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ апостольскихъ посланій и постановленій карфагенскаго собора, доказываетъ то, что противъ этихъ притязаній говоритъ и вѣковая церковная практика, — что другіе епископы не считали римскаго — «великимъ» и не прибѣгали къ нему «въ бѣдахъ», какъ утверждали католики. Въ заключеніе, въ рѣзкихъ чертахъ доказывается незаконность замѣны для мірянъ преподаванія божественныхъ таинъ Евхаристіи подъ видомъ хлѣба и вина — преподаваніемъ подъ однимъ видомъ хлѣба, и обличается это нововведеніе Рима.

Содержаніе «Посланія патр. Мелетія къ Поцѣю» слѣдующее. Въ началѣ патріархъ указываетъ причину отступленія Поцѣя, и видитъ ее въ томъ, что онъ обольстился вымыслами академической философіи. Подъ этими вымыслами разумѣются всѣ хитрости и уловки, посредствомъ которыхъ іезуиты старались завлекать православныхъ въ унію. Письмо Поцѣя, привезенное патріарху Лукарисомъ, въ которомъ онъ разсуждаетъ объ исхожденіи св. Духа согласно съ ученіемъ римской церкви, подало Мелетію поводъ обличить ученіе римской церкви о нѣкоторыхъ важныхъ и существенныхъ вопросахъ

религiи, какъ то: о св. Евхаристiи, объ исхожденiи св. Духа и др. Въ ученiи римской церкви о Евхаристiи патрiархъ основательно доказываетъ, во 1-хъ, незаконность совершенiя ея на опрѣснокѣхъ тѣмъ, что опрѣснокѣ въ новомъ завѣтѣ не имѣютъ мѣста, и, во 2-хъ,—незаконность причащенiя мiрянъ подъ видомъ только хлѣба —противорѣчiемъ такого способа причащенiя установленiю таинства, во время котораго причащенiе совершено было подъ обоими видами. Говоря о незаконности ученiя римской церкви объ исхожденiи св. Духа, патрiархъ показываетъ несогласiе этаго ученiя съ св. Писанiемъ и ученiемъ отцевъ церкви—восточной: Дiонисiя Ареопагита, Василия Великаго и Григорiя Нисскаго; и западныхъ: Августина и Иеронима. Далѣе обличаются и другiя нововведенiя римской церкви: новый григорiанскiй календарь, ученiе о чистилищѣ и безбрачiи священниковъ, и указывается причина ихъ—въ притязанiяхъ на главенство папы надъ всею церковью, вытекающихъ изъ безумной гордости папы, простирающейся до посягательства на величiе и власть Сына Божiя, Который Одинъ только есть глава церкви. Въ заключенiе, патрiархъ призываетъ Поцѣя возвратиться въ лоно православной церкви, а въ противномъ случаѣ угрожаетъ ему осужденiемъ на страшномъ судѣ.

Содержанiе статьи пресвитера Василия «о св. храмахъ и о почитанiи св. иконъ» слѣдующее. Въ началѣ авторъ приводитъ разныя мѣста изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, изъ которыхъ открывается отлiчiе церкви, какъ дома Господня, отъ простыхъ домовъ и высокое достоинство ея предъ послѣдними,—съ упрекомъ еретикамъ за то, что они не уважаютъ храмовъ. Далѣе—доказывается законность употребленiя и чествованiя св. иконъ и другихъ священныхъ предметовъ въ православной церкви, которую (законность) авторъ видитъ—а) въ повелѣнiи Самаго Господа Моисею—создать скинiю имени Своему, б) въ повелѣнiи поставить въ скинiи, во святая святыхъ, двухъ херувимовъ, вылитыхъ изъ чистаго золота, вы-

шить изображенія херувимовъ на стѣнахъ скинии (Исх. гл. 25, 26 и др.), в) въ примѣрѣ Господа, «отпечатлѣшаго на убрусѣ Своей образъ» и г) въ преданіи св. Церкви «написанъ имѣти образъ Господа, Иисуса Христа, Богородицы и св. угодниковъ». Затѣмъ—слѣдуетъ разборъ и опроверженіе трехъ главнѣйшихъ возраженій протестантскихъ сектантовъ противъ иконопочтанія. На первое возраженіе противниковъ, что *въ евангеліи ничего неписано объ иконахъ*, авторъ отвѣчаетъ, что кромѣ евангелія, какъ источника религіи, есть еще другой источникъ—св. преданіе, дополняющее евангеліе. А такъ какъ противники совершенно игнорировали этотъ источникъ религіи; то авторъ, затѣмъ, доказываетъ и важность св. преданія—изъ словъ самаго Спасителя и Апостола Павла (I Кор. II, 2). На второе возраженіе, что *въ ветхомъ заветѣ Самъ Богъ запретилъ дѣлать всякаго рода изображенія и поклоняться и служить имъ*, авторъ отвѣчаетъ, что въ ветхомъ заветѣ запрещалось только поклоненіе идоламъ, а не единому истинному Богу: напротивъ—часто, вѣдь, въ свящ. Писаніи встрѣчаются выраженія, призывающія—поклоняться истинному Богу, служить Ему и во всемъ къ Нему прибѣгать. И теперь, —если мы славимъ и поклоняемся Богу, —мы поклоняемся истинному Богу, такъ какъ мы не чтимъ идоловъ. Если въ ветхомъ заветѣ, до воплощенія Бога Слова, Богъ повелѣлъ творить образы во славу Своего имени: то справедливо ли отвергать ихъ теперь, когда, по апостолу (I Тим. 3; 16), Богъ явился воплоти, и при томъ не призрочно, но истинно воплотился для нашего спасенія? «Выображая на иконахъ Бога, Его воплощеніе и проч., мы этимъ не описуемъ божества, которое, по Іоанну Дамаскину, просто, невидимо, и незрительно, а только по плоти подобіе рисуемъ, и поклоняемся, и вѣрою славимъ рождшую Господа Бога чистую Дѣву». На третье возраженіе противниковъ, что *почитаніе и поклоненіе вещественнымъ предметамъ—иконамъ есть идолопоклонство*, авторъ говоритъ, что мы, православные,

поклоняемся во все не иконамъ, какъ вещественнымъ предметамъ, не ихъ мы боготворимъ и не въ нихъ полагаемъ мы свои надежды; но—поклоняемся первообразу, «видимую честію почитаемъ невидимаго». Честь и безчестіе отъ образа восходитъ къ первообразу, къ тому, чей образъ написанъ. Невозможно любить и чтить кого либо, и въ то же время презирать или безчестить его образъ или изображеніе. Если любящіе земнаго царя не безчестятъ его образа: то тѣмъ болѣе подобаешь чтить образы безсмертнаго, невидимаго и небеснаго. На томъ же основаніи мы почитаемъ и мощи св. угодниковъ и другіе останки,—т. е. мы почитаемъ мощи, не какъ «бездушные и безчувственные» предметы, но какъ орудія и сосуды сокрытой въ нихъ и чрезъ нихъ чудодѣйствующей благодати Божіей. Какъ фруктовая деревья зимою сохраняютъ въ себѣ плодородную силу, такъ и кости пророка Елисея, оживившія чрезъ прикосновеніе къ нимъ мертвеца, и всѣ мощи святыхъ—суть «скарбы» Благодати Божіей... Въ заключеніе, авторъ предостерегаетъ отъ протестантовъ тѣхъ изъ православныхъ, которые, считая ихъ «заступленіемъ овоей вѣрѣ», входили съ ними въ тѣсныя общенія, неподозрѣвая ихъ козней (1).

Таковы по содержанію приведенныя нами сочиненія, таковы, приблизительно, и всѣ остальные, вошедшія въ составъ втораго рода литературныхъ трудовъ. Острожской академіи. Значеніе ихъ для православнаго западно-русскаго народа, усматриваемое чрезъ разсмотрѣніе ихъ содержанія, можетъ быть выражено въ слѣдующемъ: во 1-хъ, сочиненія эти представляли въ истинномъ свѣтѣ враговъ православія—католиковъ, протестантовъ и другихъ сектантовъ, старавшихся подчинить себѣ западно-русское православіе,—что часть ихъ (католики)—отступники отъ св. Писанія и св. Преданія и что тѣ догматы

(1) Содержаніе первыхъ трехъ сочиненій мы позаимствовали изъ соч. «Мелетій Пигасъ т. II прил. II и III; а четвертаго Изъ сборника западно-русскихъ полемическихъ сочиненій» гл. 6. л. 1—92.

и обряды, которыми они разнятся отъ православныхъ, какъ то: объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, о главенствѣ и непогрѣшимости папы и др.—догматы новоизмышленные папскимъ произволомъ, въ своихъ интересахъ, невыходящихъ даже въ предѣлы религіи; часть же (протестанты и др. сектанты)—не только отступники отъ св. Писанія, но и отрицатели св. Преданія, руководствующіеся въ дѣлахъ религіи однимъ разумомъ, безъ руководства церкви, и потому дошедшія до положительнаго отрицанія главныхъ догматовъ христіанскаго вѣроученія; во 2-хъ, чрезъ это самое, сочиненія эти представляли въ истинномъ свѣтѣ и сближенія православныхъ съ врагами и тѣ уловки враговъ православія, которыми они хитро опутывали угнетаемыхъ православныхъ западно-руссовъ; въ 3-хъ, въ особенности, они знакомили съ уловками іезуитскими, посредствомъ которыхъ они старались завлекать православныхъ въ унию; —чрезъ это знакомство, чрезъ разъясненіе этихъ уловокъ, напр. что не безразлично для спасенія челоуѣка: быть ли православнымъ или униатомъ, потому что за принятіе уніи придется подвергнуться осужденію на страшномъ судѣ, и что—ложно то увѣреніе іезуитовъ, что унія отличается отъ православія только замѣною признанія верховнымъ пастыремъ папы вмѣсто патріарха, потому что послѣдователи уніи проповѣдуютъ уже и исхожденіе св. Духа и отъ Сына и др. новоизмышленія,—вышедшія изъ Острожской академіи произведенія могли служить убѣдительнымъ доказательствомъ истинности православія; въ 4-хъ, наконецъ, представляя правильное ученіе о нѣкоторыхъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія и содержа похвалу православію и православнымъ, сочиненія эти,—по мимо того, что имѣли религіозно-образовательное значеніе,—могли возбуждать и укрѣплять въ православныхъ привязанность къ православію и отвращеніе къ религіозному союзу съ католическою и протестантскою церковью, исполненною заблужденій и нововведеній.

Вотъ что сдѣлала Острожская академія для право-

славнаго народа; вотъ какую услугу она оказала для православной западно русской церкви въ самую тяжкую и смутную эпоху!...

Насель Лукьяновичъ.

Изъ записокъ сельскаго священника.

Считаемъ весьма полезнымъ ознакомить читателей Вол. Епарх. Вѣд. съ мнѣніемъ одного изъ сельскихъ священниковъ Саратовской епархіи по важному вопросу объ отношеніи пастырей церкви къ прихожанамъ и особенно съ тѣми приѣмами, какіе употребляетъ этотъ священникъ для нравственнаго вліянія на паству. Въ статьѣ своей, подъ заглавіемъ: «Записки сельскаго священника», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» за настоящій годъ онъ пишетъ:

«Насъ укоряютъ, что мы не имѣемъ должныхъ отношеній къ нашимъ прихожанамъ: что связь между нами и нашими прихожанами только официальная, внѣшняя; что близкихъ, сердечныхъ, радужныхъ отношеній между нами нѣтъ; что мы стоимъ отъ нашихъ приходовъ особнякомъ, далеко; вымогая изъ нихъ средства къ своему существованію, не обращаемъ вниманія на ихъ внутреннюю духовную жизнь; что мы не больше, какъ требоисправители, тогда какъ мы должны быть руководителями въ ихъ нравственной и религіозной жизни, должны составлять какъ бы душу, должны быть «солью земли» своихъ приходовъ; что отъ нашей отдаленности—въ приходахъ грубость, невѣжество, расколъ, пороки, неуваженіе къ религіи и къ намъ самимъ и проч.

«Отдаленность нашу отъ приходовъ одни производятъ отъ неправильной постановки нашего воспитанія; другіе—отъ нашей безличности и полной зависимости отъ приходовъ; одни—что причиною тому кастовое наше положеніе; другіе говорятъ: отъ того все это, что попы сами и тупы, и глупы, безнравственны и жадны; говорятъ, на-